БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

Еремей Лаганский

МОРЯКИ ИДУТ НА ЛЫЖАХ

ВОЕНМОРИЗДАТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемая читателю книга — записи, сделанные мною на фронте борьбы с белофиннами в памятную зиму 1939–1940 годов. "Моряки идут на лыжах" — посильная и скромная дань автора героическим подвигам и славным делам балтийских моряков.

- Еремей Лаганский
  -
  - МОРЯКИ НА СУШЕ
  - ПРОБНАЯ РАЗВЕДКА
  - ОДИННАДЦАТЬ В СНЕГУ
  - ГОСПИТАЛЬНАЯ КОМАНДА
  - «ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС» КОМАНДИРА КУЗНЕЦОВА
  - ЛУЧИ СМЕРТИ
  - СТАРШИНА АРМИЗОНОВ
  - ПОСЛЕДНИЙ УДАР
  - У ПРОВОЛОКИ
  - ВОЛШЕБНЫЕ КАСКИ
  - СЛАВА ПОГИБШИМ ЗА ДЕЛО НАРОДА
  - ЛЫЖНИКИ СДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО
  - ДОМОЙ С ПОБЕДОЙ
- notes
  - 1

Еремей Лаганский
Моряки идут на лыжах

Светлой памяти
погибших героев —
Переверзева, Тихонова,
Жмакина, Луканина и других.

Автор

МОРЯКИ НА СУШЕ

Война разгоралась. Красная Армия победоносно приближалась к главным укреплениям «непреодолимой» линии Маннергейма. Оставляя за собой опустошенный край, сожженные дотла города и деревни, враг отходил. Путь его был усеян сотнями и тысячами замаскированных минных ловушек: на разрушенных дорогах, в нарочито оставленных редких домах и просто на лесных тропинках. Но ни коварство врага, ни свирепые морозы не могли сломить напора доблестных красноармейских полков, остановить их неудержимое шествие вперед и только вперед.

Мертвой снежной пустыней стал в январе тысяча девятьсот сорокового года Финский залив. Скованные льдом, недвижные ели дымят на стоянках корабли Краснознаменного Балтийского флота. На фронте гремит канонада, льется драгоценная кровь, а моряки-балтийцы обречены природой на бездействие. Не все, конечно. У стыка трех заливов — Финского, Рижского и Ботнического — ходят иные счастливцы по чистой воде незамерзающего моря, громят вражеские транспорты, блокируют порты и берега, чудесные подвиги совершают подводные лодки.

А кронштадтцы? Разве они не могут? Не ждут того же?

Вскоре, однако, боевой порыв балтийцев, их горячее желание помочь бойцам Красной Армии были удовлетворены. Командование Балтийского флота решило создать береговой отряд моряков. Из отборных людей, из лучшей флотской молодежи в несколько дней вырос покрывший себя боевой славой такой отряд. Возглавил его закаленный в боях гражданской войны, любимый балтийцами комбриг Денисевич.

Шаг за шагом железной волей своей сколачивал комбриг Денисевич отряд. Постепенно появились у него «своя» артиллерия, даже «свои» танки, «своя» морская пехота. Нехватало только собственной авиации. Зато крепко помогали ему крылатые «помощнички» с близких морских аэродромов.

В конце января тысяча девятьсот сорокового года морской лагерь привольно раскинулся в густом лесу у белофинской деревушки Руси, землянками зарылся под корни деревьев.

Взаимодействуя с N-ской стрелковой дивизией, отряд моряков занимал крайний левый фланг Красной Армии на Карельском перешейке, у самой кромки ледяной равнины Финского залива.

* * *

Пятого января тысяча девятьсот сорокового года начальник штаба кронштадтского батальона Чепрасов был срочно вызван в штаб флота. Через двадцать минут он уже сидел в кабинете начальника отдела штаба флота Бабинцева. Теряясь в догадках о причинах вызова, Чепрасов терпеливо ждал пока Бабинцев просмотрит ворох бумаг, присланных на подпись. Закончив работу, Бабинцев поднял голову и внимательно посмотрел на Чепрасова. Спросил неожиданно:

— Лыжи любите?

Чепрасов улыбнулся. Любит ли он лыжи?! Он, испытанный, известный всей Балтике лыжник, участник крупнейших лыжных соревнований, вплоть до всеармейских в Свердловске, победитель лыжного перехода Кронштадт — Москва.

Рассказывая о своих лыжных успехах, Чепрасов по выражению лица Бабинцева понял, что вопрос был задан для формы. Но зачем? Это еще оставалось загадкой.

— Так, так, — одобрительно кивал головой во время рассказа Бабинцев, тихонько постукивая карандашом по столу. И снова неожиданность:

— А вы не могли бы подобрать в Кронштадте группу хороших лыжников, способных к длительным переходам? — спросил Бабинцев.

Чепрасов оживился.

— Ничего трудного. В Кронштадте таких сколько угодно.

— Желательно из командного состава, — разъяснил Бабинцев.

— И это нетрудно, — поспешил уверить Чепрасов. — Взять хотя бы парторга старшего лейтенанта Боковню или младшего лейтенанта Жукова из той же части, младшего лейтенанта Ольховского, старшину Армизонова. Этот тоже ходил со мной в Москву и участвовал в Свердловских соревнованиях. Неплохие лыжники младшие командиры Спиридонов и Жмахин. Да разве всех напамять перечтешь!

Бабинцев не скрывал своего удовлетворения.

— Отлично! Таких и надо, — и нажал кнопку звонка. — Я вас немножко задержу.

Явившемуся секретарю Бабинцев приказал тотчас же вызвать всех названных Чепрасовым лыжников и, как бы забыв о нем, углубился в работу.

— В чем тут дело? — размышлял тем временем Чепрасов. — Не вздумали ли организовать новые лыжные соревнования? Может быть, опять в Москву? Не похоже — время военное, —

самому себе возражал Чепрасов. — А, может быть, молодежь обучать?..

Не в силах ответить на эти вопросы, Чепрасов решил запастись терпением. Вскоре прибыли вызванные.

Все еще не разъясняя причины вызова, Бабинцев задавал им те же вопросы, что и Чепрасову, так же кивал головой и нетерпеливо постукивал карандашом по груде бумаг.

К концу беседы прибыл капитан Лосяков — тоже отличный лыжник. Загадка усложнялась.

Расставаясь, Бабинцев назначил Лосякову с Чепрасовым на следующий вечер встречу с комиссаром штаба флота.

В назначенный срок Бабинцев представил комиссару приглашенных. Завязалась оживленная беседа на те же лыжные темы. К концу беседы пришел комбриг Денисевич. С его появлением Чепрасов начал кое о чем догадываться. Комбриг в это время заканчивал формирование морского отряда.

— Вот и хорошо, — сказал комиссар, обращаясь к вошедшему комбригу. — Вот они!.. Народ подходящий, — и он кивнул в сторону лыжников. — Разъясните им дело, товарищ Денисевич.

Тайна прояснялась. Покинув кабинет комиссара и уединившись с Чепрасовым и Лосяковым, комбриг коротко сообщил им задание командования флота: создать в помощь береговому отряду моряков лыжное ядро из опытных, выносливых и стойких моряков-добровольцев.

Комбриг говорил горячо и увлекательно. Не отрываясь слушали Лосяков и Чепрасов.

— Дело огромной важности! Маленький отряд лыжников-балтийцев призван служить общему делу разгрома врагов в Приморском направлении. Задачи большие, но и опасность немалая. Каждому нужно наперед это знать. Безвольных, слабых, нерешительных — не возьму! Впереди — смелые рейды на вражеское побережье и глубокая разведка. Согласны вместе работать? — спросил в заключение комбриг.

— Не то слово, товарищ комбриг, — отвечал за обоих Лосяков. — Просто благодарны.

— Договорились! — и комбриг пожал руки лыжникам.

* * *

На следующий день, седьмого января, Лосяков уже в качестве командира лыжного ядра, а Чепрасов — начальника его штаба — приступили к формированию. И в тот же день отовсюду потянулись к ним люди: из морских школ, школы оружия и

других, с боевых, вмерзших во льды, кораблей, с кронштадтских фортов и береговых батарей. Молодые, сильные духом и телом, лихие спортсмены, шли они, гордясь доверием, выбором и честью служить родине на опасном посту. Из них, после проверки, были отобраны лучшие. Но и таких было слишком много. В отряд предстояло отобрать лучших из лучших. Тревожно ждал каждый боец решения судьбы: возьмут или отошлют обратно в часть?

В большинстве это был младший командный состав срочной и сверхсрочной службы — коммунисты и комсомольцы.

Первый отсев сделал инспектор физической подготовки Краснознаменного Балтийского флота майор Махунов. Но и после этого оставался крупный излишек. Вторичный отбор затруднял даже Махунова. Как отбирать? По внешнему виду? Но все одинаково здоровы, сильны, превосходно ходят на лыжах и одинаково жаждут быть принятыми.

Десять дней велась тренировка. Десять дней напряженной физической борьбы за право попасть в лыжный отряд. Много было обид, огорчений и разочарований, прежде чем, наконец, майор Махунов окончательно отобрал лучших по спортсменским и боевым качествам. Большинство — коммунисты и комсомольцы. Балтика послала в отряд лучшее, что имела.

Закипела работа. День и ночь, не помня об отдыхе, Лосяков с Чепрасовым создавали свой отряд, разбивали его на отделения, взводы и роты. Назначили командиров. С утра до вечера люди тренировались в лыжных походах: без выкладки, с полной выкладкой и с полным боевым снаряжением, соответственно фронтовой обстановке. Проводились учебные стрельбы: из пулеметов, гранатометов, винтовок и пистолетов, Краснофлотцы метали гранаты. Изучался армейский устав: ведь предстояло работать на суше. Через двадцать дней планомерной подготовки капитан Лосяков смог уже рапортовать командованию флота о полной готовности отряда к выполнению любых боевых заданий.

Проходя перед фронтом выстроенного отряда, Лосяков светился откровенной радостной улыбкой. Да и как не радоваться? Один к одному, сильный, ловкий, смелый, хорошо обученный и высокосознательный народ. Одно слово — балтийцы!

«Ну, и наделают они хлопот белофиннам… дадут жизни…» — думал командир лыжного отряда.

* * *

Днем двадцать седьмого января тысяча девятьсот сорокового года лыжный отряд выступил в Кронштадт.

Поверх армейского белья на каждом лыжнике была специальная одежда: ватные брюки и ватная куртка защитного цвета, грубошерстная суконная гимнастерка, меховой жилет-«безрукавка», шапка-ушанка, две пары шерстяных носков, суконные портянки, ботинки армейского образца, шерстяные перчатки с брезентовыми рукавицами. На ногах — лыжи с полужестким креплением, в руках — бамбуковые палки. В ранцах за спиною: трехдневный запас продовольствия, две пары запасного белья, запасные свитера и шарфы. Предусмотрено все до последних мелочей.

Лейтенант В. А. Чепрасов, начальник штаба лыжного отряда моряков.

За какой-нибудь час шутя прибыли в Кронштадт. Переночевав, в десять часов утра двадцать восьмого января двинулись дальше — на фронт — по снежной равнине Финского залива.

За фортом «0», где отдохнули и пообедали, вступили уже в

район возможных боевых столкновений с врагом, а потому шли с полным охранением. За три часа лыжники покрыли расстояние в двадцать километров от форта «0» до форта Ино на Финском побережье.

«Молодцы! — думал Лосяков. — И это при полной боевой выкладке… для начала — неплохо».

Ночевали на бывшем неприятельском форту, а в восемь утра двадцать девятого января тронулись в последний перегон к лесному лагерю у деревни Руси, что в двадцати семи километрах от Ино.

Шли в полном порядке: ни усталых, ни отставших, никаких аварий или досадных происшествий. Это была первая проверка людей и материальной части в действии. И действие было безотказным. Несмотря на мороз, холода не чувствовали, а в Руси пришли даже основательно взмокшие: непривычно длительный переход, довольно тяжелый груз снаряжения и одежды, высокие и частые торосы, с которыми большинство лыжников, даже таких испытанных, как Чепрасов и Армизонов, встречались впервые.

В лагере моряков, скрытом под землею в лесной чаще, царило оживление. Готового жилья или землянок для лыжников еще не было. Наскоро пообедав, сразу приступили к рытью землянок. Работа была изнурительно тяжела. Кирками и ломами долбили глубоко промерзшую, твердую, как гранит, почву. Потом валили лес, обтесывали, пилили, крепили землянки, обшивали бревнами, строили нары, столы, налаживали отопительные «железки». К утру тридцатого января лыжники были обеспечены жильем.

С этого дня они вступили в новую, долгожданную, полную труда, риска и подвигов жизнь. О ней и будет рассказ.

ПРОБНАЯ РАЗВЕДКА

Чаще и выше встают ледяные зубья торосов. Преграждая путь к берегу, они вынуждают лыжников тяжело взбираться на верхушки ледяных скал и оттуда головокружительным прыжком обрушиваться вниз.

Вырвавшись вперед, идут краснофлотцы Мальцев и Глазунов, а левее — парторг лыжного отряда, командир разведки старший лейтенант Боковня.

Над скованным Финским заливом глубокая ночь и арктическое безмолвие.

Оглушительный взрыв внезапно ударил в лицо жарким пламенем и удушливой сладковатой гарью. Горячим ветром свалило Глазунова с ног и швырнуло оземь. За ним покатился на бок и Мальцев. Зашатался, упал на колено и клюнул головой в снег Боковня.

— Мина! — крикнул он. Вскочил и, повернувшись, скомандовал: — Внимательно смотреть!

Бойцы залегли в снег. Лыжники Боковни попали в минную западню, поставленную врагом на подступах к берегу. Шедшие впереди разведки Боковня и Мальцев удачно проскользнули между рядами мин, а Глазунов напоролся. Делая размашистый шаг и занося правую ногу вперед, он по счастливому случаю не сделал нажима на переднюю часть лыжи. Тяжесть тела легла на задок и взорвала мину позади лыжника.

Придя в себя после взрыва и стряхнув обильный снег, осколки льда, засыпавшие его с головы до ног, Боковня пополз к лежащему невдалеке Глазунову.

— Живы? — спросил он.

Полминуты длилось молчание, затем неуверенный ответ:

— Как будто…

— Встанете?

— Попробую…

Глазунов сделал неудачную попытку приподняться и снова повалился на снег.

Парторг ползком подобрался к нему, решив, что бойца тяжело ранило. Попробовал поднять, стараясь разглядеть, где рана. К его удивлению и радости, Глазунов вдруг встал на ноги, но растерянно молчал, видимо не понимая, что с ним стряслось. Боковня сам удивился: человек на глазах взорвался на мине и вот стоит перед ним совсем целехонек! Руки, ноги, голова — все как полагается. Желая вернуть его к действительности, Боковня сказал:

— Живы вы! Не сомневайтесь. Только дайте осмотрю, — и начал ощупывать и разглядывать бойца.

Придя в себя, Глазунов сбросил перчатку с правой руки и прежде всего схватился за лицо. Отведя руку, он молча показал командиру обильные следы крови на ней.

— Что у вас? — тревожно спросил командир.

— Фугас носом подорвал, — отшутился легко раненный Глазунов.

— А нос-то цел?

— А что ему сделается?.. царапина… Работоспособный еще, — продолжал острить опомнившийся Глазунов, вытаскивая из-под халата индивидуальный пакет. — Жаль только лыжи! — добавил он, подняв правую ногу и показывая раздробленный взрывом задок лыжи.

Оставив Глазунова, Боковня окликнул продолжающего неподвижно лежать Мальцева.

— А вы живой?

— Выясняю. Как будто слегка оглушило, — услышал Боковня бодрый ответ. Мальцев решительно поднялся и стал во весь рост.

У парторга отлегло от сердца. Подошел к бойцу и тщательно осмотрел. И этот — в полном порядке, только левый рукав обгорел да халат почернел от фугаса.

— Встать! — скомандовал командир Боковня. — Внимание! Попали на минное поле.

Это было первое знакомство лыжников с финскими минами, о которых они так много слышали раньше.

Чтобы уменьшить опасность попадания на мины, Боковня построил свою группу «змейкой». Выслал вперед дозором отделенных командиров — Урилова и Иванова. Те тихонько двинулись, внимательно просматривая местность. Перед ними белым пологом метров на полтораста лежало минное поле.

Боковня нетерпеливо ждал возвращения дозора, скользя взглядом по черной ночной завесе, за которой, чудилось, насторожился, не открывая огня, вражеский берег. Правее, на юго-востоке, на высоком мысе Кюриниеми, загорелись в воздухе, запрыгали синеватые блуждающие искорки световой морзянки. Очевидно, взрыв фугаса был замечен и Боковня обнаружен. Положение осложнялось. Не зная, разумеется, шифра сигналов, парторг мысленно расшифровал их: «Внимание… внимание! Большевики у берега! Напоролись на минное поле. Окружайте, хватайте, не дайте уйти!..»

И, как бы в подтверждение догадки, левее, не дальше километра, на мысу Ритониеми, замельтешили ответные огоньки

морзянки. Принял сигнал и отвечал на него близкий, но невидимый во тьме остров Артилуото, тотчас же накрывший разведку тонким прожекторным лучом. Он задержался на миг и ошалело переметнулся.

Морская мина, обнаруженная у побережья о. Койвисто, разряженная нашими минерами.

Обежав минное поле, вернулись Иванов с Уриловым. Боковня

установил по их донесению, что его группа находится в вершине треугольного минного поля, обозначенного колышками. Своей широкой — метров в двести — стороной оно упиралось в берег.

Собрав людей, Боковня скомандовал:

— Обходить минное поле справа!

И почти одновременно из мрака послышался тяжелый размеренный топот и непонятные слова офицерской команды.

Быстро заработала мысль молодого парторга. Ведь это — первая его разведка. Нужно молниеносно ориентироваться в создавшейся обстановке и принимать решение. Он различал метрах в двухстах на берегу неясные очертания домика.

— Застава… — догадался Боковня. — Оттуда и пошли. Вперед на берег пути нет. Гибель!.. Левее мины… Ясно, что враг обнаружил разведку и спешит ей навстречу. Ясно и другое: раз на мысе Ритониеми — крепкая застава, минное поле, морзянки, то, наверное, имеется и батарея. А на острове Артилуото за одним прожектором, если хорошенько пощупать, найдешь и другие. А все это и было нужно разведке.

Боковня получил задание вклиниться в неприятельский берег и двигаться до соприкосновения с врагом. Но раз разведка открыта врагом еще на льду, то выходить на берег бессмысленно, тем более, что необходимые сведения о расположении и примерных силах врага уже получены. И старший лейтенант повернул обратно. Но каждую минуту можно было столкнуться с сильнейшим во много раз противником. Шаги его звучали слышней и слышней. Враг чуял лакомую добычу, думал, что держит ее уже в цепких своих лапах, настигая с каждой секундой.

Боковня усмехнулся и, ускорив до предела ход, повел отряд в глубь залива.

Отойдя на километр, он резко изменил курс, взяв вправо, то есть в противоположном своей базе направлении. Стремительно рыскали по заливу прожекторы Артилуото, тыкаясь и цепляясь за каждый выступ поверхности. Накрытые лучом люди замирали в снегу, а когда луч беззвучно скользил в сторону, поднимались и шли дальше.

— Нажать, нажать… — вполголоса торопил командир. Молодые, ловкие, сильные лыжники-балтийцы шли предельным темпом. Они хорошо понимали, что в сложившейся обстановке для них «промедление — смерти подобно» — и нажимали изо всех сил.

Двигаясь параллельно берегу, балтийцы вошли в полосу крупных торосов. Зайдя за их гряду, Боковня избавился, наконец, от назойливого преследования лучей. Не подозревая ошибки,

белофинский отряд с каждым шагом удалялся от преследуемых, уносясь в открытый залив. Долго еще шарили лучи по ледяным рытвинам торосов. Но бойцы, хорошо укрытые за ребристыми льдинами, только посмеивались.

— Ищи… ветра в море…

Когда на берегу все угомонилось, угасли морзянки, убрались лучи и вдали в сумрачной пустыне растаял шорох погони, Боковня поднял людей, сделал перекличку и повел их в глубь залива.

Идя впереди и перебирая в памяти волнующие события ночи первой своей разведки в тыл врага, Боковня подводил итоги:

«К цели пришел — раз. В бой с численно превосходившим противником не вступил — два. Разведку вел наблюдением. Тоже правильно. Заставу белофинскую, огневые и технические средства определил — три».

На рассвете подошли к Лаутеранте.

ОДИННАДЦАТЬ В СНЕГУ

Мимоходом из деревни Руси Боковня со своей разведывательной группой в одиннадцать человек остановился на полуостровке Лаутеранта. Утомленные, разгоряченные переходом, бойцы утоляли жажду талым в котелках снегом, курили «ленинградские подарки».

Боковня шел в очередную ответственную разведку к Муурильскому берегу и решил дать бойцам небольшой роздых.

В единственный на полуострове домишко, где расположился Боковня со своими людьми, вошел командир артиллерийского дивизиона. Завязалась беседа.

— Туда? — многозначительно спросил артиллерийский капитан, указывая рукою в сторону неприятеля.

— Точно, — ответил Боковня и не без гордости прибавил: — Я уж хаживал туда.

— Третьего дня наша разведка возвращалась оттуда, — продолжал капитан, — так ее приметили с мыса Кюрениеми. На рассвете это было. Задумали живьем взять и роту в погоню послали.

— Ну, нас не возьмут, — сердито буркнул Боковня и машинально потрогал свой пистолет.

— Я не к тому, — успокаивающе заметил капитан. — Вы дальше слушайте. Докладывает мне об этом наблюдатель. Хорошо. Стали белофинны наперерез разведке итти. Ну, думаю, пусть еще ближе подойдут. Подпустил, а потом ударил всей батареей с четырех километров. Поглядели бы вы!..

Рассказ капитана натолкнул Боковню на полезную мысль.

— Попрошу вас, — обратился он к капитану, — вести за нами наблюдение. Направление с берега по азимуту 270 градусов, прямо на залив. После семи километров меняю курс по азимуту 315 градусов. По прямой — тринадцать-четырнадцать километров. Но учтите небольшие отклонения из-за торосов. На траверзе Муурилы — поворот на 90 градусов. Если засыплемся и в оборот попадем — кройте после четырех красных ракет. Бейте метров на десять-пятнадцать правее сигнала, чтобы своих не накрыть.

— Договорились, — охотно пообещал командир дивизиона и крепко пожал руку разведчику.

* * *

Выступили морозным вечером в двадцать часов пятого февраля. Шли без передышки часов шесть и, когда по расчетам оказались напротив Муурилы, круто свернули на нее.

Метрах в восьмистах правее и ближе к берегу двигалась группа командира взвода Жмакина из четырнадцати человек, тоже стремившаяся выйти на берег. Достигнув его несколько раньше Боковни, Жмакин выслал вперед дозор из двух человек. Эти двое во мраке ночи сразу напоролись на финский сторожевой патруль и попали под частый обстрел. С затемненного берега краснофлотцы на открытом заливе представляли хорошо видимую цель. Одного, по фамилии Сапко, ударило в грудь, другого — в ногу. Раненый в ногу Волтусенок попытался спасти товарища: подполз и метров двести протащил на себе. Укрывшись от огня за снежным бугорком, осмотрел товарища и только тогда заметил, что тащил мертвеца. Простился с ним и, волоча раненую ногу, пополз под прикрытие берега, потому что именно там его меньше всего ожидали. Истекал кровью, но не расставался с винтовкой. При морозе в тридцать градусов, с изумительной настойчивостью и хладнокровием, медленно полз раненый краснофлотец в самую вражескую пасть. И вышел на берег правее заставы. Прислушался. Тихо. Замолкли автоматы «Суоми» и ружейный огонь. Пополз дальше и дальше, зарываясь в глубокий снег. Поминутно останавливался, давая отдых больной ноге и прислушиваясь к грозным шорохам ночи. Он находился теперь в самом центре Муурильской укрепленной линии. Вперед, только вперед! Обратно нет пути. Только бы миновать открытую прибрежную полянку с замаскированными огневыми точками в снежных ямах и крайние, на опушке леса, деревья со снайперскими гнездами. А дальше — лес и лес, до самого озера Кипинола-Ярви. Оно уже позади Муурильской позиции. От восточного берега его вправо по лесным тропкам можно выйти к передовой линии фронта. Километров семь, не больше! С железным упорством и осторожностью двигался раненый по намеченному маршруту, ни на минуту не забывая, что он разведчик, и напрягая свои силы на то, чтобы запомнить расположение вражеских укреплений. На исходе ночи армейские дозоры подобрали его окоченевшего, истекшего кровью и обессиленного.

…Уничтожив дозор Жмакина, белофинская застава перенесла огонь всех своих восьми «Суоми» на оставшуюся группу Жмакина, которая находилась примерно в трехстах метрах от берега. Одновременно человек шестьдесят-семьдесят белофиннов выбежали на лед развернутой цепочкой.

Хорошая видимость позволила Боковне, находившемуся

метрах в шестистах левее, отчетливо наблюдать создавшуюся для соседа угрозу тылового обхода и флангового охвата. Перед тем посланные им на берег отделенный командир Иванов и боец Кочененков доложили, что обнаружили слева у берега минное поле в квадрате двести пятьдесят — триста метров и что дальше, за отсутствием проволочных заграждений, выход на берег свободен.

Получив столь важные и утешительные сведения, Боковня поднял было со льда свою группу, намереваясь двигаться во вражеский тыл. Но люди его не успели и шагу сделать, как начался ожесточенный огонь по всей группе Жмакина.

— Надо выручать товарищей, — решил Боковня.

Враг успел уже вклиниться между обеими разведывательными группами. Белофинны стремительным методичным своим лыжным ходом, напоминающим иноходь, все глубже и глубже охватывали левый фланг Жмакина. То же происходило и на правом.

Боковня приказал своему гранатометчику открыть огонь. Второпях тот дважды промазал. Нетерпеливый и раздосадованный Боковня бросился к гранатомету, поставил прицельную трубку на шесть и снова дал два выстрела по финской заставе. На берегу вспыхнули два разрыва.

Белофинны сообразили, что Жмакин не один, и поспешили изменить тактику. Разделились на три группы. Одна группа человек в тридцать на лыжах вернулась к берегу, обогнула минное поле и стала забегать с левого фланга Боковни. Человек двадцать проделали ту же операцию на правом фланге, остальные неслись напрямик, влоб. Вокруг Боковни поднялся грохот и огонь. Со льда часто обстреливали из винтовок, с берега — из пулеметов и автоматов «Суоми». Близкий мысок Ритониеми откликнулся широкой, ослепительно яркой лентой прожектора. Луч прожектора лег на льду залива под косым углом, прижав разведку Боковни к самому берегу. Отход был отрезан. Неподвижный луч застыл метрах в сорока от разведчиков и не намеревался, видимо, убираться прочь.

План белофиннов был ясен. Обозленные частыми нашими набегами в Муурильский укрепленный район, они подготовились к сегодняшней встрече: подпустили разведку к самому берегу и пошли в обход, отрезая с помощью прожекторов возможность отступления на залив.

Левофланговая группа противника быстро без выстрела шла на сближение. Метрах в тридцати сбросила лыжи и двинулась ползком. Ожил и зашевелился прожекторный луч, придвинувшись еще ближе к группе Боковин, повис на миг на высокой торосистой

гряде, за которой, точно за крепостной стеной, укрылись моряки, — и беспомощно перевалился за край обратно.

«Полундра, — с досадой подумал Боковня: — с трех сторон наступление, четвертая отрезана лучом». И скомандовал:

— Занять оборону! Ложись!

* * *

На светлом снежном фоне было ясно видно движение врагов. Приблизившись на тридцать метров, они подползали медленно, молча, без единого выстрела, рассчитывая взять группу живьем. Не давая им встать и перейти в лобовую атаку, Боковня дал команду: «Огонь!»

«По сути, — размышлял он под треск выстрелов, — положение еще не скверное. Мы защищены с четырех сторон естественными стенами торосов, у бойцов по сотне патронов и по четыре ручных гранаты, есть гранатомет, пара пулеметов. Можно жить! Попробуй-ка, возьми!»

Вдруг со стороны наступающих долетела отчетливая команда на русском языке:

— Вперед!.. Бей москалей!

«Эге! — смекнул Боковня, — белофинские дружки — белогвардейцы!.. Ну что же, если эта сволочь еще не забыла русский язык — можно извлечь из этого пользу».

— Рота! Слушай команду!

Боковня закричал громче, чем это требовалось для того, чтобы быть услышанным его крохотной группой.

— Рота! Пулеметный огонь справа! Гранатометы слева!.. Приготовить ручные гранаты!

Десяток разведчиков без объяснений поняли военную хитрость командира. Они постарались и развили огонь, которому позавидовала бы настоящая рота.

Услышав команду Боковни, враг остановил продвижение и счел более благоразумным залечь, всячески стараясь подавить огонь «роты». Около получаса шла ожесточенная перестрелка.

За ледяным укрытием торосов позиция Боковни была выгоднее позиции противника, расположившегося на открытом пространстве. Белофинны это поняли. Потеряв надежду взять одиннадцать моряков живьем, они стали бросать к торосам отдельные небольшие группки.

На отделенного командира Иванова, не раз уже глядевшего в лицо смерти, неслись два солдата. Иванов неподвижно лежал за выступом льдины. Он видел развевающиеся от быстрого бега

белые полы маскировочных курток, слышал тяжелое шуршанье лыжных полозьев, хриплое прерывистое дыхание врагов. Осталось метров десять. Пора! Привстав на колено, Иванов вскинул винтовку и выстрелил в упор. Один из бегущих подпрыгнул и, широко раскинув руки, плашмя свалился в снег. Второй замялся было и кинулся к товарищу. Не меняя положения, Иванов дал выстрел — и второй солдат покрыл своим телом первого.

В сторонке трое финнов с автоматом «Суоми» крались на голос Боковни. Нервничая и торопясь, они устанавливали автомат метрах в двадцати и наводили его на Боковню. Занятый преодолением угрозы с другой стороны, старший лейтенант не замечал новой опасности. К счастью, выдвинувшийся на несколько шагов вперед боец Кочененков успел предотвратить нападение врага. Выпрямившись внезапно, он с бешенством бросил ручную гранату. Треск и пламя взрыва — и на кровавом снегу остались три распластанных тела и поваленный на бок «Суоми». Снежным вихрем и звенящими ледяшками осыпало Боковню.

— Товарищ командир, на вас «Суоми» наставляли. Так я в это дело вмешался, — как бы оправдываясь, объяснил Кочененков.

Через минуту он снова обратился к Боковые.

— Разрешите, товарищ командир, я «Суоми» принесу: жалко, без дела валяется!

— Видите, какой чорт огонь!? Головы не поднять — в решето превратитесь. Отставить!..

С нескрываемым сожалением вернулся Кочененков на свое место и еще долго с грустью и досадой поглядывал на заманчивый автомат.

Боковня неутомимо ползал по снегу к каждой щели, в которой залегли его люди, подбадривая их.

Во время одного из таких «рейсов», взобравшись на высокий ледяной гребешок, он заметил внизу слева пять притаившихся вражеских фигур. Боковня отчетливо рисовался на верхушке тороса. Враги открыли огонь. Вперед выбежал, судя по пистолету, офицер. Он торопливо и неудачно бил по Боковне, успевшему во-время укрыться. Быстро прикинув расстояние до группы противника — метров десять, не больше, — Боковня швырнул гранату. Стрельба внизу мгновенно смолкла.

— Чисто! — похвалил себя Боковня.

* * *

— Невеселая штука, товарищ командир, — докладывали

бойцы, — патроны на исходе, а гранат и того меньше.

Впервые за эту ночь в душу командира проникла тяжелая дума: кажется, не выйти… Но поглядел вокруг, увидел своих краснофлотцев, своих героев, готовых умереть, но не сдаться. Каждого из них он знал еще по Кронштадту, с каждым связан давней и крепкой дружбой, за каждого отвечает, за каждого сам готов отдать жизнь. Так неужели дать им погибнуть, не спасти для родины, для близких?! Не бывать этому!! И старший лейтенант вспомнил свой уговор с артиллерийским капитаном в домике на Лаутеранте, вспомнил про условные четыре ракеты.

«Самое время», — подумал он и кликнул бойца Тегелева:

— У вас ракетница?

— У меня, товарищ командир.

— Отойдите метров на пять-шесть и дайте четыре красных.

Тегелев в точности исполнил приказание, и черный полог над головой внезапно загорелся яркими вспышками. Кровавое зарево зажгло торосы и залив, осветив на короткое время сражающихся. Обе стороны усилили огонь. Тегелев, выпускавший ракеты, представлял отличную мишень, и два белофинских офицера поспешили воспользоваться этим. Подойдя метров на десять, открыли стрельбу из пистолетов.

— Никуда не годится такая стрельба, а ещё господа офицеры! — крикнул никогда не терявший веселого настроения помощник командира взвода Цветков и бросил в офицеров последнюю свою гранату. И когда после взрыва увидел, что оба полетели в разные стороны и не поднимались больше, нравоучительно добавил:

Граната, она тоже с понятием. Зря не рвется, особенно ежели последняя.

Балтийцы расстреливали последние патроны. Тщательно прицеливались, чтобы не тратить заряд впустую. Враг, чуя близкий конец сопротивления по ослабевающему ответному огню, наглел, подступал все ближе и ближе, но, наученный горьким опытом, на штурм итти не решался.

Боковня, сдерживая волнение, до боли в глазах всматривался в темную даль, в сторону спасительной Лаутеранты. Прошло пять-шесть минут после пуска сигнальных ракет, пять-шесть томительных, долгих, напряженных минут.

И он пришел, наконец, — ответ артиллерийского капитана.

Дернуло воздух, дрогнули небо, лед и суша. С первого залпа погас прожектор, исчез проклятый луч. Неплохо, видимо, пристрелялся капитан. Путь на залив снова свободен. Теперь только не зевать и не мешкать.

— Отходить! — скомандовал Боковня: — Отход прикрывают

Кочененков, Иванов и Киреев.

Лыжники поползли. Залп за залпом, не жалея стали, шлет Лаутеранта врагу. Взлетают на воздух темные массы мерзлой земли, облака снега и льда, ветви и стволы деревьев и между ними бесформенные тени людей. Этот адский огонь, неожиданно обрушившийся на врага, ошеломил финнов. Все три осаждавших Боковню отряда — фланговые и лобовой — поспешно и в беспорядке бросились к северу и югу, минуя близкий, разворачиваемый снарядами берег.

Выходя из боя, Боковня приказал снять лыжи и ползти, чтобы враг не мог бить в спину. Бойцы, по примеру командира, легли животами на лыжи и, заложив правые руки за жесткое железное крепление их, начали передвижение. Еще во время боя, для удобства стрельбы, Боковня в боевом задоре снял свои перчатки, а потом где-то обронил. Теперь, проползши метров двести в тридцатипятиградусный мороз и придерживая лыжи за железные крепления, он почувствовал, как немеет левая рука.

«Не ранен ли?» — пришла мысль. Но, оказалось, другая напасть — обморозил.

Но стоит ли думать об этом? Собрал людей, проверил. Все налицо, и, главное, — никаких ранений. На юношески молодом лице парторга скользнула улыбка. Теперь домой. Сделали, что могли.

Лыжный батальон на марше.

Вдали у заставы и на мысе Ритониеми еще гремели залпы

артиллерийского капитана. Зато на заливе — мир и покой. Трудно было поверить, что всего несколько минут назад здесь шел жаркий бой, рвались снаряды, щелкали винтовки и стрекотали пулеметы, что горсти смельчаков-балтийцев, казалось, не вырваться из железного охвата. И в этой внезапной тишине, сменившей жестокую перепалку, Боковня радовался за своих замечательных бойцов.

* * *

— Домой!.. На базу! Там, небось, заждались.

Встали на лыжи. Пошли. Но в эту минуту на пути возникла еще одна преграда. Боковня шел позади группы. Рядом — краснофлотец Киреев. Вдруг немного правее из темноты вынырнули две фигуры, они низко склонились над пулеметом. В нем, очевидно, что-то заело. Финны суетливо поворачивали пулемет на группу. Как рукой сняло наплывавшую дрему.

— Гранату! — повернувшись к Кирееву, приказал Боковня.

— Бросаю! — почти одновременно крикнул Киреев.

Огонь, пламя у самого пулемета. А людей не видно.

Вон, они, впрочем, в нескольких шагах, неподвижные и полузасыпанные снегом. Это был, очевидно, далеко забежавший вперед авангард левофлангового охвата. Он отходил последним и нашел в этом отходе свою смерть.

— Ну, теперь все, надо полагать, — сказал Боковня.

Было пять часов утра. Небо очистилось от туч и мерцало холодными звездами. Боковня встал впереди группы и резко свернул на открытый залив. Он знал, что, «засекши» у себя в тылу нашу разведку, белофинны обычно долго и упорно преследуют ее. Если ей и удается выйти из окружения, враг связывается по радио и телефону с пунктами, расположенными на пути дальнейшего отхода. Оттуда высылается погоня, разведку стремятся отрезать, снова окружить, словом, делают все возможное, чтобы «принять» смельчаков и не дать им уйти на свою территорию. С наступлением ясного дня и далекой видимости положение Боковни могло стать еще более серьезным.

Подгоняя передних и подбадривая отстающих, он уводил их все дальше и дальше от вражеской земли с ее укреплениями, минными ловушками и многочисленной живой силой, вероятно уже осведомленной о предстоящем проходе одиннадцати храбрецов.

Прошли восемь километров, но все еще находились во вражеском районе. Несмотря на сильно обмороженную руку,

Боковня решил итти прямо на базу в Руси, минуя Лаутеранту, чтобы не приближаться к вражескому берегу.

Наступил мутный рассвет, а люди, не зная устали, шли и шли. Встало солнце. Тысячами искр засияла снежная равнина.

На коротких остановках, чтобы перевести дыхание, наспех глотали чистый снег или ледяные сосульки и снова, движимые единой волей, товарищеской спайкой, примером своего командира, продолжали лыжный бег. Шли до самого заката, когда прояснившееся на западе небо окрасилось во все цвета — от желто-голубого до лилово-багряного.

И только в восемнадцать часов шестого февраля вступили на родной берег у деревни Руси.

ГОСПИТАЛЬНАЯ КОМАНДА

Лыжный лагерь опустел. Все, кто мог держать винтовку и двигаться на лыжах, ушли еще ночью, ушли под Муурилу.

Землянка едва освещена чадящей лампой. В занесенном снегом оконце чуть брезжит рассвет.

Парторг лыжников старший лейтенант Боковня лежит на своей койке. Он провел бессонную ночь, но ему не до сна. Всю ночь после ухода отряда он думал: «Все ушли. А я остался… Комбриг не пустил. И из-за чего? Из-за какой-то отмороженной в разведке руки. Вот лежи тут один, когда там весь отряд — друзья и товарищи. Нехорошо получается! Ведь я же здоров. Ну, совсем здоров: разве отмороженная рука — болезнь?»

Старший лейтенант нервно вскакивает с койки, сует ноги в валенки, надевает шапку, пояс с пистолетом и выбегает из землянки, задев головою низкую притолоку двери.

Несмотря на ранний час, землянка комбрига уже полна народом, как, впрочем, и в любой другой час дня и ночи. Комбриг болен. Двенадцать старых ранений, полученных за долгую его боевую жизнь и совсем свежее тринадцатое — от угодившего накануне в колено шрапнельного осколка под Лаутерантой — свалили этого кипучего, не знающего устали человека. Он лежит на походной койке исхудавший, но гладко выбритый. Крупное, энергичное лицо, умный взгляд, который может быть и веселым, и ласковым, и даже гневным, когда комбриг разносит за непорядки. Но, как бы ни смотрел комбриг, он всегда остается любимцем бойцов. Он и командир и отец.

Комбриг Денисевич — имя, которое знает и любит вся Балтика.

Сейчас комбриг серьезен и озабочен. Его любимые сыны — балтийцы — ушли в бой. Поминутно звонит полевой телефон, принося свежие вести о ходе операции. Мечется по землянке лейтенант Почтарев, именуемый всеми дружески «адъютант», выполняя срочные приказания комбрига. На большом столе, занимающем значительную часть землянки, подле самой койки комбрига, среди стаканов крепкого «флотского» чая, пустых тарелок и консервных банок от только что законченного завтрака, развернута карта-трехверстка.

Командиры стоят у койки, слушая тихий голос комбрига, звучащий сейчас немного грустно.

— Приказ сам по себе — дело несложное. Я никогда не боюсь ответственности, если убежден в целесообразности и необходимости своих действий. Есть другое — внутреннее

чувство, которое испытываешь, посылая людей в бой, людей, которых любишь, с которыми вместе живешь и борешься, которые верят тебе и выполняют любой приказ. И много поразмыслишь иной раз, прежде чем отдашь приказ.

Заметив вошедшего Боковню, комбриг умолк и, приподнявшись на локте, приветливо протянул ему через стол руку и улыбнулся.

— Ничего, ничего… Давайте левую. Причина уважительная, — и уже серьезно спросил:

— Что у вас?

— Нехорошо получается, товарищ комбриг, — волнуясь, сказал Боковня.

— А, по-моему, неплохо, — прервал комбриг: — Сейчас только звонили: мои орлы дерутся — дай боже.

— Я не про то, товарищ комбриг. Наши все под Муурилой, я один остался… хочу к своим. А то как-то глупо получается.

— Ведь вы же не по своей воле. Вы больны, — возразил комбриг, — вот и я тоже валяюсь вместо того, чтобы быть со своими.

— Вы, товарищ комбриг, — другое дело. У меня же пустяк, рука поморожена, — настаивал на своем Боковня.

— Как же вы будете драться без руки? — мягко убеждал комбриг.

Но Боковня не сдавался:

— Если я не могу стрелять, то могу руководить.

— Да кем руководить-то? Да еще без руки!..

— А такими, как я. Нас тут в лагере целая «инвалидная» компания подобралась — двадцать четыре бойца: кто поморожен, кого с фронта отослали по болезни. С ними и пойду. Все, как один, товарищ комбриг, просятся… Разрешите выступить?

Комбриг задумался. Конечно, две дюжины людей в бою не шутка. Но какие люди? больные, слабые. Сам он только что говорил о том, как трудно иногда бывает командиру отправлять бойцов в бой.

Боковня напряженно ждал ответа. Наконец, комбриг решился:

— Добро! Ступайте! Вот вам задача — прикрывать наступление с левого фланга от Койвисто-Бьеркэ.

К вечеру Боковня со своей «инвалидной командой» уже двигался к месту назначения. По бодрому виду бойцов, легкости шага, стройности и дисциплинированности движений трудно было поверить, что каждый из этих людей признан врачами больным.

Бойцы шли и переговаривались.

— Обидно, конечно, что не в бой, но и на охране фланга можно пользу принести. А вдруг повезет и на фланге удастся потрепать белофиннов.

К полуночи Боковня привел своих людей на указанную позицию и нес обязанности прикрытия до рассвета. Ночь прошла спокойно. Вдали под Муурилой глухо гремела артиллерийская канонада, строчили пулеметы, небо озарялось далекими вспышками взрывов, однако попыток обойти или ударить по флангу или в тыл наступающих противник не предпринимал.

На рассвете примчался связной лыжник от комбрига с новой задачей — прикрывать до последнего бойца начавшийся по плану командования отход моряков в исходное положение.

Перестроив группу лицом к берегу, Боковня находился теперь в восьмистах метрах от Муурильского мыса. Правее наши части по приказу комбрига уже начинали отход. Надо было помешать противнику зайти им с тыла или обстрелять. Закрепившись на месте, Боковня в предутренней мгле открыл интенсивный огонь по берегу. Он располагал достаточными для этого огневыми средствами — четырьмя ручными пулеметами, с восемнадцатью дисками на каждый.

Рассеяв ночной туман, над заливом взошло солнце. Наверху расстилалось в морозном безветрии холодное, чистое, синее небо.

Демонстративная Муурильская операция лыжников-балтийцев, отвлекавшая внимание финского командования от главного удара по линии Маннергейма, закончилась. Доблестно выполнив задачу, приковав к месту отборные финские части, пока пехотные дивизии проламывали стену ДОТ, балтийцы-лыжники, подобрав всех раненых, возвращались на базу в деревню Руси под надежной защитой своих двадцати четырех товарищей.

К двум часам дня последние группы балтийцев покинули район боя. Боковня также поднял своих «инвалидов», считая свою задачу оконченной. Но вражеская артиллерия с острова Койвисто-Бьеркэ, засекшая, видимо, группу Боковни, открыла по ней бешеный огонь. Одни за другим грохнулись три снаряда на лед; два упали прямо у торосов, в самом центре расположения группы Боковни и не разорвались. Третий разорвался метрах в пятидесяти, вздымая к небу снежно-ледяной столб. Осколками льда, кучами снега с головою засыпало бойцов Боковни.

Видя себя обнаруженным, Боковня приказал отойти метров на сто в глубь залива к следующему высокому торосу, рассыпав бойцов редкой цепью. Но это не помогло. Белофинны точно накрыли отряд. Три шестидюймовых снаряда рванули, сотрясая ледяное поле, совсем недалеко слева, два — еще ближе. Град

снарядов усиливался, и было просто непонятно, что этот стальной смерч не причиняет никаких потерь маленькому отряду.

— Вперед! Вперед!.. — торопил Боковня.

Уже миновали первый попутный торос. Второй… Укрылись за ним на минуту-другую и снова мчались дальше и дальше от берега. А невидимый враг с дистанции в семь-восемь километров преследовал их по пятам. Среди разрывов и грохота, в вихрях разлетающихся ледяных осколков, пробежали без остановки два километра. Стоило на миг замешкаться или остановиться — снарядный дождь усиливался. Казалось, что враг наблюдает и видит каждое движение группы. Да так оно и было на самом деле. Корректировка стрельбы велась с близкого берега, откуда отряд Боковни был виден как на ладони.

А больные и уставшие лыжники-балтийцы продолжали отход. Был момент, когда, остановившись для короткой передышки, они забежали потом за выступ тороса, и тотчас же над местом их недавнего привала разразился снарядный ураган. На эту точку обрушилось около полутораста снарядов. Толстый ледяной покров разлетелся, снаряды били в воду, подымая огромные фонтаны. Прижавшись за торосом, бойцы Боковни наблюдали грозное и красивое зрелище.

Надоела ли врагу бесцельная трата снарядов или иссякли боеприпасы, но артиллерийское бешенство внезапно прекратилось. И снова спокойно двинулась «госпитальная команда», как будто ничего не случилось, бодрая, спаянная боевым единством и дисциплиной.

Избавившись от много раз грозившей гибели, люди уже шутили, смеялись. Прислушиваясь к их разговору, их командир думал: «Что за народ?! Его из полыньи вытащишь, а он смеется и назад просится. Взять хотя бы этого Цветкова, командира взвода, что в хвосте идет. На днях при разрыве снаряда его накрыло глыбами льда, насилу откопали. Контужен, кажется, человек, а когда вчера выходили на прикрытие, чуть в драку не полез, требовал, чтобы взяли. Или Шлипенков — его приятель! Тоже муурильский герой, гранатометчик. Разбил вражеский пулемет, пальцы отморозил. Трое суток в боях не спал. И тоже настоял, чтобы взяли на прикрытие. Да не только вчера и не только эти. Бывало в разведку итти — только скажешь: «кто со мной?» — и все руки поднимают. Просто непонятный народ. Или вот военком наш Богданов рассказывает: «Их по глазам узнаешь. Я, говорит, так всегда и делаю, когда храбрых людей нужно отобрать. Подойду, в глаза прямо взгляну и сразу вижу — этот не струсит. Так и отбирал».

Боковня незаметно нежно и любовно оглядел свой необычный

отряд и отвернулся, нахмурясь, словно боясь обнаружить волновавшие его чувства.

К вечеру Боковня пришел в Руси. Пожимая ему после доклада здоровую левую руку, комбриг сказал:

— Добро! Отлично выполнили задачу. Особенно ценю, что потерь не имели. — И, рассмеявшись, добавил: — Боюсь только, как бы в следующий раз весь лазарет за собой не увели…

«ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС» КОМАНДИРА КУЗНЕЦОВА

Враг налетел внезапно — на бреющем — и ударил сверху из всех пулеметов.

— Рассеяться! Ложиться! Зарыться!

Команда выполняется с молниеносной быстротой. Через минуту отряд лыжников разбросался отдельными белыми точками по обширному снежному полю. Одни зарылись в глубокий и рыхлый снег, другие успели добежать до близких торосов и своими белыми халатами слились с ледяными складками.

Комиссар отряда Богданов и техник-интендант Кузнецов лежат рядом. Кузнецов всегда возле Богданова, как будто он взял на себя обязанность охранять комиссара в бою и быть готовым оказать помощь, когда понадобится.

— Жив? — тревожно спрашивает Богданов своего соседа.

— Еще поживем, товарищ комиссар! — весело отзывается Кузнецов.

Низко кружат белофинские самолеты над заливом. Улетают и вновь возвращаются гудящие шмели. В предвечернюю тишину врывается стрекочущая пулеметная дробь. С жалобным звоном разбитого хрусталя разлетаются ледяные осколки.

— Ишь куражатся! — вслух размышляет Кузнецов! — Погодите радоваться, сейчас наши налетят. Жарко станет!

Похоже на то, что «Фокеры» сами это чувствуют: очень уж они заметались, все торопливей, все бестолковей расстреливают свои пулеметные ленты.

— Кузнецов, слышите? — прерывает его размышления комиссар.

Оба прислушались. Сомнения не могло быть — стон раненого. Богданов и Кузнецов вскочили, подбежали к раненому, лежавшему невдалеке. Только потом, когда раненый боец был отправлен в тыл, Кузнецов подумал про Богданова и себя: «Все-таки вскакивать не надо было, могли нас заметить. Ползти надо было… ползти, как доктор приполз!»

А доктор приполз с такой ловкостью, будто брал у ящириц уроки передвижения на брюхе.

Недаром в лыжном отряде так любили и ценили своего врача своего «лейб-хирурга», «профессора» Федосова. Отроду было ему только девятнадцать лет, и был он пока не профессором и даже не доктором медицины, а всего навсего военным фельдшером. Но

ни один в мире лучший хирург не смог бы так быстро и спокойно работать под градом пуль, так бегать на лыжах и ползать по льду и снегу! В обстановке лыжного похода военный фельдшер Федосов был самым нужным из всех профессоров и светил медицины.

Федосов справился быстро. Несмотря на тридцатиградусный мороз, ловко сделал перевязку, отправил раненого бойца в тыл и пополз обратно. На других участках боя, следуя примеру Федосова, бойцы-санитары — Мустафин и Крылов — тоже перевязывали раненых под огнем, перетаскивали на пункт сбора.

Кузнецов молча тронул рукой плечо комиссара и указал в пространство. Высоко шли с юго-запада прямым курсом несколько серебристых машин.

— Наши… — вполголоса сказал Кузнецов: — «Фокеришки», «Фокеришки»-то улепетывают!

Стало весело. Можно вставать, двигаться дальше.

* * *

В минуты отдыха, лежа на снегу, Кузнецов вспоминал, как все произошло.

Давно это было… Впрочем, пожалуй, не так уж давно, что-то около двух недель назад. Смешно даже представить себе, что он, Николай Михайлович Кузнецов, сидел тогда за канцелярским столом и занимался делопроизводством.

Это была, пожалуй, не мирная канцелярия. Это тоже был участок войны и весьма важный.

Кронштадт. Конец января. Казармы петровских времен, приземистые, сурово-деловитые. Кипучая жизнь ОВС (обозно-вещевое снабжение). Техник-интендант Николай Михайлович Левин-Кузнецов заведывал делопроизводством ОВС. Работы много. Кузнецов работал хорошо. Он понимал, что дело нужное, государственное, народное. Но Кузнецову этого мало. Кузнецов в народном деле имеет и «личный интерес» и, конечно, добьется своего. Он ждет только случая. Ждет с нетерпением.

И случай приходит. Начинается формирование лыжного отряда моряков-добровольцев. И — первая удача! Командиром отряда назначен Лосяков, прямой начальник Кузнецова.

Кузнецов стоит перед начальником.

— Товарищ капитан, не могу больше!

— Чего это? — спрашивает капитан.

— Здесь оставаться не могу. Надоело! Все товарищи там, и

думы мои там, а я здесь… Разрешите зачислиться в отряд.

— Со стула на лыжи?

— Так я же на лыжах здорово хожу! — прихвастнул Николай Михайлович. — Я же больше всего люблю лыжи.

Лосяков возражал. В ОВС тоже люди нужны, а Кузнецов хорошо знает работу ОВС.

Но техник-интендант не отставал:

— Я же там больше пользы принесу!.. Ну, просто не могу больше сидеть за столом! Ну, просто я вас очень прошу, товарищ капитан!

Капитан, наконец, уступил. Техник-интендант Николай Михайлович Кузнецов был зачислен в отряд лыжников начальником тыла. На него легла забота о вещевом, боевом и продовольственном снабжении всего отряда.

Работа была большая, напряженная. Но вот все организационные преграды преодолены. Все трудности позади, и отряд выступил на лыжах в направлении фронта. Цель достигнута. Впереди стычки с врагом. Подвиги…

Так думал Кузнецов! Но его ждала опять «мирная» работа.

Рытье землянок, оборудование их, размещение и устройство людей — все это легло на Кузнецова. Николай Михайлович ревностно работал: это уже не делопроизводство. Но соблазн был велик. Опять началось прежнее томление. Тянуло вперед, в самый бой. Опять заговорил «личный интерес».

Лыжникам была поручена увлекательная, опасная разведывательная работа. Кузнецов не мог упустить такого случая. Каждый день он являлся к командиру и заводил один и тот же разговор.

— Назначьте, товарищ капитан, куда-нибудь.

— А начальник тыла это что? Мало?

— Не мало, ничего не говорю. Но все-таки — тыл.

— Так тыл-то ведь на фронте!?

— А мне бы, товарищ капитан, еще «фронтее»! Ну просто не могу, когда другие в разведку идут, сидеть в землянке!

Не хотелось командиру лишаться превосходного организатора в тылу отряда. И капитан Лосяков со дня на день оттягивал решение вопроса. Но настойчивость Кузнецова и на этот раз победила.

* * *

Волнуясь и торжествуя, вступил Кузнецов на лед в памятную ночь двенадцатого февраля. Вместе с лыжным отрядом он

выступил на Муурилу.

Ни мрак ночи, ни тяжелые частые торосы не помешали опытному лыжнику командиру Жукову привести свою группу еще до рассвета, в точно указанный час, на точно указанный квадрат позиции обороны. Группа расположилась здесь для охраны тыла и флангов лыжного отряда моряков, наступающего на Муурилу.

И вот Кузнецов стоял на ледяной равнине моря, на самом фронте. В течение первого перехода Кузнецов видел врага лишь в поднебесьи. Но теперь он был уверен, что встретится с ним лицом к лицу и возьмет его за горло. Как только группа останавливалась, Кузнецов начинал оглядываться по сторонам — не видать ли противника? Но вокруг — только свои, верные товарищи-балтийцы, славные кронштадтцы.

Утром тринадцатого февраля походная рация предложила лыжному охранению вернуться на командный пункт в Лаутеранту. Там утомленные бойцы немного отдохнули, поели горячего и, соединившись с первой ротой лыжного отряда под командой старшины Армизонова, вновь двинулись к Муурилe.

Заняв позиции, командиры взводов начали подтягиваться к Муурильскому берегу, откуда встревоженный враг уже вел беспрестанный огонь.

Обстрелянный еще накануне, Кузнецов считал себя уже закаленным фронтовиком. Поэтому его нисколько не удивило, что командир Лосяков выбрал именно его для ответственного поручения: наблюдать за действиями нашей артиллерии, расположенной на мысе Тамитко, за разрывами ее снарядов и помогать начальнику штаба Чепрасову через походную рацию корректировать артиллерийскую стрельбу.

Неприятельский пулеметно-оружейный огонь разрастался. Для того чтобы тщательно следить как ложатся и рвутся наши «гостинцы» с Тамико и докладывать об этом Чепрасову, Кузнецову приходилось ежеминутно высовывать голову из-за торосистого укрытия.

С берега охотилась за ним «снайперская» смерть. Но он не думал об этом и не замечал этого.

Зато он заметил нечто более тревожное: неприятельские снаряды ложились ближе к командному пункту лыжного отряда. Здесь находились в то время командиры Лосяков, Чепраков, Панфилов, комиссар Богданов.

«Надо уходить. И немедленно», — подумал наблюдатель. Внимательно осмотрев местность, подобрался он к командиру и изложил свои соображения.

— Да, надо отходить, — согласился капитан Лосяков. Но куда?

Кузнецов указал на огромный торос, похожий на крепостную стену. Укрытие, несомненно, отличное. Но торос был расположен метрах в трехстах впереди. Как осуществить переход, если впереди открытая снежная равнина и враг бьет по ней непрерывным пулеметным и снайперским огнем.

— Больше некуда! Другого выхода нет! — настойчиво доказывал Кузнецов.

На том и порешили. Вылезли из-за торосов и поползли. Впереди капитан Лосяков, за ним начальник штаба и другие. Замыкал шествие Кузнецов.

Медленно двигались лыжники. Кузнецову казалось, что они не продвигаются ни на шаг, что в это время никто не ведет наблюдения, что артиллерия лишена глаз.

Кузнецов не выдержал. Заспешил. Вот он уже обогнал ползущих впереди, вот поравнялся с командиром и взволнованно зашептал ему:

— Разрешите, товарищ командир, я пойду вперед.

Доводы были веские — Кузнецов стремился поскорее достичь нового наблюдательного пункта, чтобы наладить наблюдение и сделать артиллерийский огонь с Тамико более действенным.

Капитан Лосяков разрешил. Не долго думая, Кузнецов вскочил на ноги, пробежал метров пятнадцать и снова упал на живот. Так, чередуя ползанье с короткими перебежками, он первым добрался до торосистой стены, возобновил наблюдение и с помощью связистов наладил корректировку.

* * *

Вечерело. В морозе, дымчато-лиловые спускались сумерки. Уже весь отряд подтянулся и залег за ледяной стеной. Пора бы броситься в атаку. Но как быть с условным сигналом? Ибо договорились: после сигнала тремя ракетами — одновременный дружный рывок на берег. Но была опасность в густых сумерках осветить ракетой собственный командный пункт и подвергнуть его еще более ожесточенному обстрелу финнов.

Перед командиром вырос опять тот же беспокойный интендант. Он вызвался пустить ракету. Он отползет для этого метров на триста влево.

— Это дело! — одобрил командир.

И вот через несколько минут на значительном расстоянии от командного пункта три молнии прорезали потемневшее небо.

Лыжники ринулись к берегу.

А Кузнецов, выполнив свою задачу, прибежал на командный

пункт возбужденный, пылающий. Чуть не плача, просил:

— Товарищ капитан! Просто не могу! Разрешите итти вместе с отрядом!

— Ложитесь с нами! — сурово отрезал командир.

— Есть ложиться с вами, — дрожащим голосом, но покорно повторил Кузнецов и улегся рядом.

Вот не везет! Такая атака! Ведь это — то, о чем он мечтал! Не понимает капитан!

Но обида растаяла мгновенно. Взволнованно следил он за неудержимым бегом балтийцев. Навстречу им несся ружейно-пулеметный огонь, сбоку ложились артиллерийские снаряды с далекого острова Бьеркэ-Койвисто. В вечернем воздухе вспыхивали и долго висели осветительные ракеты, бросая вниз на снежную пустыню холодный безжизненный свет. Не отрываясь от бинокля, восхищенным и завистливым взглядом следил Кузнецов за атакующими товарищами.

Почему же они вдруг замедлили бег? Вот они остановились вовсе и залегли метрах в четырехстах от берега. Не случилось ли чего?

— Товарищ командир, позвольте сбегать туда! Только посмотреть обстановку и доложить, — он весь дрожал, ожидая ответа.

— Идите… — коротко согласился Лосяков.

— Только посмотрю и сейчас обратно, — уже на ходу бросил Кузнецов и словно провалился за крутым ледяным бруствером.

Когда через минуту начальник штаба Чепрасов выглянул из-за тороса, то увидел лишь неясный силуэт Кузнецова, который то пригибаясь, то выпрямляясь, то ползком двигался по глубокому снегу.

В отряде Кузнецов сразу узнал причину остановки. Передышка была необходима. Были убитые, были раненые. Презирая опасность, носился под огнем «лыжный профессор» Федосов, поспевая повсюду. Удивительны были неутомимость и мужество этого самоотверженного юноши-фельдшера. Откуда брались силы у тщедушного на вид парня? Обнаружив раненого, он, не ожидая помощи, взваливал его себе на спину и тащил в безопасный тыл. Тащил он не раз и коробки с патронами бойцам на передовую линию. Легко раненым делал перевязки на месте. Здесь, как и во многих других тяжелых боях, рождалась заслуженная слава и росла любовь моряков-лыжников к своему боевому бесстрашному товарищу-врачу… С восхищением глядя на самоотверженную работу Федосова, думал Кузнецов: «А я вот… Что я успел?.. Какая от меня польза?»

Вернувшись, Кузнецов доложил о создавшемся впереди

положении.

Капитан Лосяков быстро принял решение:

— Надо итти туда. Сосредоточить наш отряд за торосом вблизи берега и оттуда совместными силами нанести последний удар.

Вышли из-за торосистого прикрытия.

Бодро и радостно торопился впереди всех Кузнецов. Наконец-то он удовлетворен! Наконец-то он идет в атаку! Бешеный, непрекращающийся огонь противника только возбуждал его. Он шел вперед с какой-то твердой уверенностью, что пуля не посмеет остановить его: ведь он еще не сделал своего дела!

* * *

Может быть, потому что Кузнецов шел, подняв голову, именно он первый заметил каких-то людей, неожиданно показавшихся слева. Доложил командиру.

Пригляделись в бинокль. Неизвестная часть, в составе примерно взвода, держала направление к берегу. Однако по одному этому признаку нельзя было с уверенностью определить, чьи люди… всяко на войне бывает.

На этот раз Кузнецову не пришлось упрашивать командира. Капитан Лосяков сам подозвал его.

— Выясните, что за люди!

Старшина Г. С. Армизонов (слева) и военфельдшер Л. С.

Федосов — участники боев с белофиннами.

— Есть, товарищ командир!

Гордый первым опасным поручением, не выпрошенным, а, так сказать, заслуженным, — командир убедился, что ему можно доверить такое дело, — Кузнецов легко перемахнул за торос и под огнем пулеметов и снайперов бросился выполнять приказание. От непрерывного движения и радостного боевого возбуждения он не чувствовал крепкого мороза. Было даже жарко.

Неизвестные оказались передовым взводом наступающего батальона. Взвод оторвался от своей части, потерял ориентацию. Среди людей чувствовалась усталость.

Как лучше использовать это подкрепление? Эту задачу Кузнецов решил быстро. Он дал взводу задание: подойти к самым проволочным заграждениям и ждать его сигнала — трех гранатных взрывов.

Когда лыжники капитана Лосякова также подойдут к проволочным заграждениям врага и бросятся в атаку, неожиданное выступление «неизвестного» отряда откуда-то слева может сыграть немалую роль. В ряды наступающих это внесет новый прилив бодрости. В ряды неприятеля — растерянность.

Он еще раз объяснил маленькому отряду его задачу и пустился в обратный путь под тем же огневым дождем.

Кузнецов был доволен жизнью и доволен собой. Даже слегка гордился своими действиями и своим планом. Ведь это был его собственный, его самостоятельный план боевой операции!

Когда раскрасневшийся, радостно возбужденный докладывал он командиру о своих действиях и о своем плане, на лице капитала Лосякова заиграла улыбка.

— Прямо военспец! Не техник-интендат, а стратег! Действия ваши, товарищ Кузнецов, в общем одобряю.

Командир поднялся для того, чтобы отдать последние перед выступлением распоряжения. Заметив, что Кузнецов чего-то ждет, добавил:

Останетесь на командном пункте.

— На этот раз Кузнецов нисколько не огорчился. Он только заметил, как бы вскользь:

— Вот с батальонцами-то как быть, товарищ командир? Кто их найдет у проволочного заграждения и поведет? И, опять же, они только меня одного и знают… — Сказал и скромно умолк.

— Да… а! — задумчиво протянул капитан Лосяков и принял решение:

— Отправляйтесь к бойцам!

— Есть, товарищ командир! — крикнул Кузнецов.

* * *

Наступила ясная морозная ночь. Небо сверкало золотой россыпью звезд. Тверже стал наст, слегка похрустывая под мягким нажимом сотен ног. Впереди трещали пулеметы, часто щелкали одиночные выстрелы «кукушек». Где-то ухали орудия, и небо озарялось далекими, похожими на зарницы, вспышками.

Совсем близко на фоне снега четко виднелась путаная сетка проволочных заграждений. Левее, приближаясь к цели, бледно-туманными видениями двигались люди «неизвестного» взвода. Впереди шагал Николай Михайлович Кузнецов. Он был доволен. Все шло гладко. Приказ его взводом выполнен точно.

Вдруг огневая струя трассирующих пуль, напоминающая звездный поток, прорезала мрак. За ней — другая, третья…

С близкого берега обнаружили «неизвестный взвод» и били по нем. Неожиданность удара привела младшего командира в замешательство. Заметив его растерянность и нерешительность, Кузнецов принял командование взводом. Итти вперед под непрекращающимся огнем было бессмысленно. Кузнецов приказал залечь в снегу.

Напрямик за проволокой белел огромный снежный намет, похожий на вал, за которым круто высился подъем на берег. На небольшом открытом пространстве берега подле самой опушки леса виднелись два весьма невинных на вид холмика. Но Кузнецов сразу угадал их предательскую сущность Это были земляные огневые точки, так называемые ЗОТ, родня ДОТ. Это они извергали убийственный огонь по взводу.

Где-то поблизости шла суетливая тревожная жизнь. Мелькали неясные тени врагов. Поминутно взвивались сигнальные и осветительные ракеты. Их было так много и были они так разноцветны и многообразны, что их можно было принять за мирный, праздничный фейерверк.

Яркие вспышки неприятельских ракет освещали бойцов у проволоки, но они выдавали и самих «пиротехников». Кузнецов воспользовался удобным моментом и выстрелил в одного из ракетчиков. После выстрела инстинктивно отскочил в сторону. Секунда промедления — и он был бы изрешечен ответными снайперскими пулями, взрывшими его недавнее снежное ложе. Потревоженные осиные гнезда ЗОТ обрушили свою ярость на то же злополучное место.

Удачный опыт поощрил Кузнецова. Острым зрением он уловил приготовления к пуску новой ракеты. Прицелился и ждал. При вспышке нажал гашетку. Выстрел почти слился с криком на берегу. Там качнулось и грузно осело белое видение. Опять

Кузнецов сразу же после выстрела отскочил в сторону. И еще раз ЗОТ и снайперы начали рвать на куски уже покинутую им снежную лежанку.

Свою охоту за «пиротехниками» Кузнецов вел на некотором расстоянии от расположения бойцов взвода, чтобы не навести ответный огонь белофиннов на своих.

Сама по себе эта маленькая операция дала неплохие результаты, но общего положения она не могла изменить. А положение стало незавидным. «Неизвестный взвод» застрял. ЗОТ отрезали путь к берегу.

Пришлось Кузнецову снова, рискуя на каждом шагу быть настигнутым снайперской пулей, пробираться бегом и ползком к командному пункту с докладом.

— Раз нельзя вперед, отведите своих людей назад и перебросьте сюда на правый фланг, — приказал Лосяков.

* * *

Только добрался взвод до правого фланга — внезапно ожила снежная равнина, наполнилась разнообразными шумами: топотом, шипением ракет, гудением проволоки, выстрелами, человеческими криками.

Понеслись к берегу лыжники. Огонь гремел с берега. Ответный огонь поливал берег. Тряслась на кольях, как в лихорадочном страхе, железная паутина проволочных заграждений.

«Вот оно, настоящее! — пронеслась мысль: — Пора!»

Кузнецов быстро достал три гранаты и швырнул их высоко в воздух, одну за другой.

Больше чувством, чем зрением и слухом, ощутил он бурный рывок к берегу своего взвода. Кузнецов оказался позади.

— Что же это со мной? Как же это я? — Он рванулся вперед, понесся. Догнал. Обогнал. И вот он впереди.

Кузнецов с тремя моряками первыми оказались у проволочного заграждения.

За проволокой из смежных нор раздавались хриплые гортанные возгласы:

— Русс, давайса!

— Руки в гору!

Неуверенно звучали плохо выученные русские слова. Казалось, крикуны сами чувствовали их бессмысленность и смехотворную нелепость.

Трое лыжников несколькими меткими гранатами послали до

предельности ясный ответ. Предложения о сдаче больше не повторялись.

Левее возник сильный снайперский обстрел. Неприятельские снайперы засели позади проволочного заграждения в снарядных воронках. В самих заграждениях имелись глубокие снежные лазы, по которым снайперы свободно сообщались со своими огневыми точками на берегу. Чтобы проникнуть туда и самим воспользоваться проходами, нужно было выкурить врага.

Кузнецов с короткой дистанции, целясь в воронки, швырнул две гранаты. Трое моряков, бывшие неотлучно с ним, сделали то же самое. Снайперы замолкли.

Путь к проволоке свободен. Кузнецов и его товарищи рванулись туда. И вдруг…

— Стой!

Эту команду, покрывшую шум стрельбы, подал начальник штаба Чепрасов и через момент, уже сообразив и оценив опасность, повторил громче:

— Стой! Заграждения под током!

Среди ровных рядов безобидной колючки выделялся один, кольцевой спиралью, немного приподнятый над землей. Это была страшная западня, мгновенная электрическая смерть для того, кто прикоснется к ней.

Перед самой проволокой остановились балтийцы, соображая, как сразить электрическую змею. Но побороться с нею не пришлось. Подползший радист Андреев передал Лосякову приказ комбрига:

— Выходить из боя… возвращаться на Лаутеранту.

Лыжники отошли на порядочное расстояние. Показался «лес» из воткнутых в снег лыжных полозьев. Лосяков скомандовал:

— Встать на лыжи!

Пошли дальше. Кузнецов молча шагал подле командира. Наконец, не выдержал.

— Обидно как-то, товарищ командир…

— Кто вас обидел? — с удивлением спросил Лосяков.

— Как же не обидно? В атаку шли, людей потеряли, ребята на самый берег выходили… еще бы чуть-чуть — и в Муурила… И вдруг отходим?!

Командир замедлил ход, дав Кузнецову приблизиться. Поравнявшись, сказал:

— Обижаетесь зря. Надо понимать обстановку. А комбриг понимает: Муурила от нас не уйдет. Не сегодня — так завтра. Вот почему из-за нее не следует рисковать людьми. Атака наша ложная. Понятно? Мы демонстрацией на себя до чорта фиников притянули. А севернее полковник Лазаренко вместе с морским

отрядом ударил по ДОТ. Я слышал, прорвались там наши. Может, по-вашему, это тоже зря? — Лосяков хитровато взглянул на Кузнецова. Тот внезапно остановился и радостно вскрикнул:

— Прорвались?..

— Точно!

— Я бы за это… не знаю что, — взволнованный Николай Михайлович растерянно оглядывался по сторонам, словно подыскивая нужные слова.

— А вы говорите — зря, — с ласковой укоризной покачал головой командир.

Возвращаясь с отрядом домой, техник-интендант Кузнецов с гордостью думал о первом своем боевом походе и ощущал полное удовлетворение. Он сумел-таки отстоять свой «личный интерес», сочетав его с общим.

ЛУЧИ СМЕРТИ

Деревня Руси на берегу Финского залива сохранилась теперь только на географической карте. Отходя под натиском Красной Армии, в злобе сожгли ее белофинны.

Лагерь расположен в лесу, точнее — под лесом, в глубоких землянках. В одной из них склонились над картой при слабом свете керосиновой лампы командир и комиссар лыжного отряда моряков. Командование приказало им провести сложную разведку в глубоком тылу противника. Плотный, коренастый, светлорусый капитан Лосяков и худощавый, тоже белокурый, комиссар Богданов, тихо переговариваясь, уточняли и разрабатывали план смелой операции.

Закончив работу, собрали начальников разведки — командира взвода Спиридонова, начальника штаба лейтенанта Чепрасова, политруков — Яковлева и Доброскокова. Тесная, низкая землянка наполнилась людьми и густым табачным дымом. Коротко, сжато развивает командир перед собравшимися план операции.

В разведку идут две группы по сорок человек: одна под командой Спиридонова и политрука Яковлева — на восточный берег острова Койвисто-Бьеркэ, другая — Чепрасова и политрука Доброскокова — в район мыса Кюрениеми-Муурила.

Разойдясь, командиры и политруки лихорадочно принялись за подготовительную работу. Нужно было осмотреть и проверить материальную часть и, что особенно важно, — довести смысл операции до каждого участника и напомнить соответствующие положения устава о разведке.

Через час перед коммунистами обеих групп уже выступал парторг лыжников старший лейтенант Боковня. Серьезно и просто говорил он об особой, передовой роли коммунистов в бою и разведке. Для большинства предстоящая операция была первым боевым крещением. Поэтому сегодня парторгу задавали особенно много вопросов, и Степан Осипович уверенно и точно отвечал на них.

С комсомольцами говорил секретарь бюро комсомола Луканин:

— Нам, комсомольцам, в таком деле, конечно, место тоже впереди. Уж тут мы от товарищей коммунистов никак отставать не можем!

Закипела жизнь в лыжном лагере. На воздухе смазывали лыжи и проверяли крепления, в землянках разбирали и чистили оружие, просматривали личное снаряжение, отбирали чистые

маскировочные халаты, распределяли боеприпасы и скромное продовольствие — галеты и сахар.

Однако, как и всегда, не все были довольны. Обижены те, кто не попал в разведку. Больше других огорчен комсомолец Переверзев.

— Товарищ комиссар, — обращается он к Богданову, — вы мне делаете бледный вид перед товарищами.

— Какой такой вид? — недоумевающе хмурит брови военком.

— Не пускаете в разведку… перед товарищами стыдно.

Лицо комиссара прояснилось. Он улыбнулся шутке лыжного «балагура» Переверзева.

— Не в последнюю разведку посылаем, — утешил он его, — успеете и вы.

— Мне бы хоть последний гвоздик в белофинский гробик… — мечтательно заметил, отходя, Переверзев.

Когда все было готово, проверено и договорено и оба отряда разведчиков выстроились к походу, комиссар Богданов неожиданно узнал, что в отряде нашелся «симулянт»! Это был краснофлотец Дмитриев из группы Спиридонова. Он стоял перед комиссаром красный и смущенный. Комиссар смотрел на него в упор, стараясь поймать его взгляд.

— Значит, обманули меня?

Дмитриев, опустив глаза, молчал.

— Когда я спросил вас, здоровы ли вы, что вы мне ответили?

— Так я же…

— Нет, вы прямо скажите, что вы мне ответили?

— Ответил… — растерянно лепетал краснофлотец, — ответил: здоров, товарищ комиссар!

— А это, оказывается, неправда: я стороной узнаю, что у вас пальцы на ногах отморожены. Нехорошо, Дмитриев!

— Так это же ничего, товарищ комиссар! Это же сущие пустяки! В походе сразу все пройдет.

— Нехорошо, Дмитриев, обманывать. Нехорошо! — строго повторил Богданов.

Пришлось оставить «симулянта» на стоянке. Чуть не плакал он, прощаясь с товарищами. Мог ли комиссар Богданов сомневаться в успехе операции, имея дело с такими людьми?

* * *

Было около полуночи, когда сорок человек лейтенанта

Чепрасова белыми призраками скользнули из тени леса на пушистую гладь залива. Лишь шуршащие шлепки лыж по глубокому снегу нарушали покой морозной ночи. Продвинувшись километров на шесть к югу, отряд круто свернул на северо-запад, взяв направление на узкий пролив между островам Койвисто-Бьеркэ и деревней Муурила.

Насторожилась белея пустыня вокруг, а высоко над ней повисло звездное небо. Ничто не мешало пока стремительно-мерному лыжному бегу. Далеко впереди выступила темная полоска прибрежных сосен. Где-то правее, километрах в пяти, притаилась на горке невидимая Муурила.

Вдруг над нею взметнулся вверх и упал на залив острый луч прожектора. На миг накрыл группу. Короткая команда Чепрасова бросила людей в снег. Никто не шевелился.

Чепрасов был уверен, что прощупывание прожектором был случайным, что опасности внезапного нападения или окружения на заливе быть не могло, так как его отряд двигался с должным охранением.

Прошло десять долгих минут. Моряки продолжали неподвижно лежать. Предательский луч упорно шарил вокруг, вгрызался в отдельные снежные кочки, шарахался в стороны и снова сторожевым псом ложился у самых ног обнаруженной разведки.

Более чем на двадцать километров продвинулась разведка по льду во вражеский тыл. Вдали над лесом небо озарилось вдруг цветистыми вспышками многочисленных ракет. Видимо, не спалось сегодня врагу: мерещились близкие, опасные «москали». Наконец, враг угомонился. Тревога улеглась. Прожекторный луч убрался. Тогда бойцы Чепрасова, разминая застывшие руки и ноги, поднялись и продолжали свой путь.

Приближалось время выполнения задачи: захватить контрольного пленного («языка»), найти огневые средства врага и расположение минных полей.

Подойдя еще ближе к берегу, Чепрасов приказал командиру взвода Гошунову с восемью бойцами выйти на неприятельский берег и во что бы то ни стало достать «языка». Чепрасов знал, что невдалеке проходит шоссейная дорога и надеялся, что залегший в засаде Гошунов непременно дождется или одинокого пешехода, или проходящую машину. Остальное для храброго и сообразительного командира взвода — сущие пустяки.

Попрежнему было тихо вокруг. Враг не подавал признаков жизни. Казалось, все благоприятствовало разведке.

Расставшись с Гошуновым, Чепрасов, спустя некоторое время, последовал за ним, чтобы в случае необходимости оказать

помощь. Подойдя к опушке леса, он расположился со своими людьми на льду. Через короткие промежутки он трижды высылал дозорных для связи с Гошуновым и обследования берега. Стояла такая тишина, что с берега ясно доносились приглушенные звуки передвижения людей, слышны были даже удары и царапанье лыж о прибрежные валуны. Вскоре пришел первый связист и доложил, что обнаружены крупные лыжни в лесу и несколько пустых землянок.

Другой донес лейтенанту Чепрасову:

— Товарищ начальник, нас очень хорошо видно оттуда. На двести метров всех можно пересчитать.

Третий дозорный — командир взвода Бутусов — принес еще более важные сведения:

— Под самым берегом — минное поле.

Чепрасов вместе со старшиной Армизоновым поспешили к указанному месту. Действительно, под несколько приподнятым берегом, выступая над снежным покровом, маячат аккуратно расставленные в шахматном порядке белые колышки. Между ними протянуты того же цвета провода.

Чепрасов приказал старшине Армизонову оттянуть свою группу в глубь залива и там дождаться Гошунова. Нескольким же бойцам приказал остаться в секрете.

Выполняя приказ, Армизонов поднял группу со льда и приготовился отдать команду: «шагом марш». Вдруг с тыла и флангов ударили тяжелые пулеметы и автоматы «Суоми». Проследив направление огня, Чепрасов понял, что огонь носил скорее заградительный, чем поражающий характер. Отрезая отступление в глубину залива, белофинны жали отряд на минное поле. Пулеметный огонь усиливался с каждой минутой. Били по голове походной колонны Чепрасова с такой силой, что движение стало невозможным. Бойцы зарылись в снег и открыли ответную стрельбу. Завязалась перестрелка.

* * *

Широким ослепительным лезвием вскинулся луч прожектора над макушками прибрежного леса, задержался на миг и стремительным броском перескочил на бухту. За ним другой и, 'наконец, третий. На три неравные части рассекли лучи отряд лейтенанта Чепрасова. Подвижные источники света, установленные на аэросанях, приблизились и остановились. Застыли и широкие полосы света на снегу. Лыжники-балтийцы оставались в тени без движения. Тогда Чепрасов приказал

Армизонову продолжать отход и зайти в тыл белофиннам. Этим маневром он надеялся отвлечь их внимание от основной своей группы. Но, заметив движение группы Армизонова, противник одновременно открыл огонь и по ней. Разрезанные и отделенные друг от друга яркой полосой прожекторного луча, обе группы, самостоятельно обороняясь, попятились в глубь залива.

Краснофлотцы и их командиры сегодня впервые сталкивались с врагом непосредственно в его глубоком тылу в такой сложной и невыгодной обстановке. И у некоторых в первый момент возникло тягостное чувство оторванности от своих, растерянность. Но это было лишь мимолетным ощущением молодых необстрелянных бойцов. Они быстро освоились.

Взяв у бойца Морщагина автомат, старшина Армизонов разглядел откуда велся обстрел его группы и открыл ответный огонь по гребешку недалекого тороса. Но тут на Армизонова свалилась новая беда: новый косой луч через всю бухту расколол его маленький отряд. Часть лыжников могла продолжать отходное движение, а другая, где был политрук Доброскоков, командир отделения Морозов, краснофлотцы Полунин и Посконкин, всего восемь человек, прижатая лучом к самому берегу, была отрезана.

Горсточка эта находилась метрах в пятидесяти от берега, а белофинны показались на льду метрах в ста, т. е. в ближайшем тылу. Скрываясь за высокими ледяными гребнями торосов, им удалось подойти незаметно. Старшина Армизонов, оценивая создавшуюся для этой группки обстановку, мрачно бросил:

— Попали в мешок — остается завязать.

Попрежнему огонь из-за торосов имел целью загнать балтийцев на минное поле. Понимая уловку, группа Морозоза яростно дралась.

Несколько раз комсомольский секретарь Луканин видел, как из мрака ночи совсем рядом неожиданно возникали расплывчатые тени врагов. Сухо трещал одиночный выстрел, «тень» шаталась, жалобно выкрикивала что-то на незнакомом языке и грузно садилась в снег. С полдесятка врагов посадил таким способом на снег юный комсомолец Луканин, но, наконец, вражеская пуля уложила наповал его самого, вызвав в бойцах ярость и жажду мести.

Значительно превосходя отрезанную лучом группу Морозова, белофинны бешено бросались в атаки, но, встречаемые горячим свинцом, всякий раз откатывались за торосы, теряя убитых и унося раненых.

* * *

На залегшего Доброскокова накатывалась одна атакующая волна за другой. Пуля «Суоми» легко ранила его в левую руку, но он даже не обратил внимания. Упорство и меткая стрельба Доброскокова привели в ярость какого-то белофинского солдата. Обезумев от злобы, солдат бросился на спокойно выжидающего политрука, но в нескольких шагах, бестолково взмахнув руками, рухнул, сраженный его пулей.

Белофинны откатились, спрятались за недалеким торосом и время от времени постреливали из-за ледяного прикрытия.

Но вот все смолкло. Доброскоков выглянул из своего убежища. И тут же пуля, взвизгнув, обожгла ухо политрука. Доброскоков выругался и подался назад. Невидимый стрелок, хорошо пристрелявшись, методически поливал короткими очередями гребень ледяной норы, в которой отсиживался Доброскоков.

Он почувствовал себя узником. Его убежище превратилось в снежную темницу, выход из которой сторожил вооруженный автоматом тюремщик.

А совсем рядом шла жестокая борьба. Его товарищи вели смертельный бой с превосходящим численностью врагом. Он был нужен там. Он не мог сидеть в этой чортовой дыре, когда надо было спешить на помощь к товарищам.

«Суоми» смолк. Мелькнула надежда: не ушел ли «тюремщик»? Соблюдая предельную осторожность, Доброскоков стал подниматься. «Тюремщик» попрежнему не подавал признаков жизни.

— Еще шаг и все будет ясно. Смелее! — подбадривал себя политрук.

Но, на счастье, ясность пришла раньше, чем Доброскоков успел сделать свой роковой шаг. «Суоми» заговорил с еще большей настойчивостью.

Доброскоков от ярости заскрипел зубами. Но вдруг усмехнулся. Неожиданно озарила счастливая мысль:

— Погоди же, я с тобой сыграю штуку!

Он нацепил на край ствола винтовки ушанку и медленно приподнял над краем тороса. Раскатисто прогремел «Суоми», и тяжелая шапка, сорвавшись со ствола, шлепнулась наземь.

Укрывшись за снежным валом, сквозь проделанный в снегу глазок следил Доброскоков, почти уверенный в том, что все произойдет по плану.

И, действительно, оттуда, где гремел проклятый «Суоми», выглянул офицер. Скрылся. Опять выглянул. На этот раз он заметил шапку на снегу и осторожно направился к ней. Шагах в двадцати, успокоенный тишиной, осмелел, выпрямился и

размашисто шагнул… Это был последний шаг в его жизни. Выстрел Доброскокова свалил его сразу.

Не торопясь, вышел Доброскоков из своей снежной тюрьмы, с наслаждением потянулся, потом поднял ушанку, осмотрел ее:

— Н-да, моя голова столько пуль не выдержала бы! — сказал он, насчитав на ушанке с десяток дыр, и философически заключил: — и шапка может сослужить службу, но для этого все-таки голова нужна!

Он подошел к убитому финскому стрелку. Рослый молодой парень в синем теплом офицерском комбинезоне лежал на боку. По обеим сторонам валялись «Суоми» и финские лыжи.

Политрук вынул из офицерской кобуры револьвер, поднял «Суоми». Прикоснувшись к горячему еще пулемету, он был изумлен, что пальцы его не ощутили тепла.

— Неужто обморозил? Еще этого нехватало!

Пошарил в карманах, за пазухой — рукавиц нет!

Видно, в бою посеял!

Раненая левая рука мучительно заныла.

Мертвая тишина вокруг.

Забыв боль, Доброскоков спешил использовать минутную передышку и пополз в сторону, где, как он помнил, замертво свалился Луканин. Нашел, бережно, словно боясь причинить боль, осмотрел товарища. Убедившись, что помощь человеческая здесь уже бесполезна, поцеловал любимого друга в губы.

Мороз перевалил за тридцать градусов. Доброскоков не чувствовал рук.

Огляделся. Вокруг — мрак и внезапно наступившее после боя безмолвие. Вероятно, отбив атаку врага товарищи успели отойти в глубину залива. Забыв о своей беде, политрук обрадовался за друзей. Встал на лыжи и, опираясь здоровой, рукой на палку, пошел — одинокий на темной безлюдной равнине.

Через некоторое время понял, что сбился и потерял направление. Долго искал его, проделав много лишнего пути. Остро болела рука. Кровь из раны пробилась наружу ватного рукава. К тому же еще обе руки — больная и здоровая — начали обмораживаться. Но Доброскоков упорно шел к своей части, к своим боевым друзьям, к своим комсомольцам.

Инстинкт, смекалка, неугасимая бодрость в результате долгих скитаний и нечеловеческих страданий привели его на заставу подле форта Ино. Около семидесяти километров исколесил политрук Доброскоков по снегам и торосам залива!

Но вот он, наконец, на базе.

Его встретили радостными приветствиями. Почти силой тащили к врачу.

— Нет, нет! К командиру!

Напрягая последние силы, Доброскоков сделал подробный доклад командиру и только после этого дал отвести себя на лечебный пункт.

* * *

Пока отходила группа Доброскокова, отрезанное от отряда Армизонова отделение младшего командира Морозова вело неравный бой.

Обнаружив горсточку из восьми человек, ободренные ее малочисленностью, около двадцати белофиннов поднялись, вышли из-за тороса и пошли в открытую атаку,

Попавший под луч прожектора Морозов хотел проскочить на теневую сторону, но прикрепленные к ногам лыжи помешали ему это сделать ползком. Пришлось подниматься. Вставая на лыжи, замешкался. Подбежавший белофинн бросил гранату. Упал Морозов, раненный в обе ноги. Падая, он все же успел ответить не менее точным броском. Враг подпрыгнул, дико завопил и кинулся на упавшего Морозова. Следом за первым спешил на помощь второй белофинн. На мягком снегу завязалась бурная схватка.

Выстрел из пистолета почти в упор! Но белофинн промахнулся. В следующее мгновение крепыш Морозов словно клещами сжал вооруженную руку врага и, лежа на спине, старался сбросить цепко насевшего белофинна. Тот не давал Морозову вытащить из-за пазухи ватника наган. Достать нож или штык было еще труднее, и безоружный Морозов оборонялся только прославленными в отряде руками отменной мощности. Изловчившись, напрягая могучие мускулы, Морозов отвел вооруженную руку врага. Дуло пистолета воткнулось в снег. Выстрел в снегу разорвал ствол. Шансы уравнялись, и борьба продолжалась с еще большей яростью.

В нескольких шагах двадцатилетний первогодок, недавний тамбовский колхозник Посконкин, только что уложил налетевшего белофинна. Распластанный, в белом маскировочном халате, лежал он у ног победителя.

Заметив опасное положение своего командира, Посконкин хотел броситься на помощь, но в эту минуту в луче прожектора мелькнул в белом саване очередной белофинский солдат. Он бежал с винтовкой наперевес и не видел Посконкина, торопясь на помощь тому, кто боролся с Морозовым. Пропустив солдата мимо, Посконкин быстрым выпадом вонзил штык в врага. Хриплый крик пронесся в ночи. Посконкин еще раз ударил

белофинна и поспешил к своему командиру.

Враги, сцепившись в рукопашной, катались по снегу. Не сразу можно было отличить, где враг и где друг — оба были в белом. Схватив одного за воротник халата, Посконкин ощутил под ним мягкий барашковый мех.

«Э… — догадался Посконкин, — еще и офицер…»

Не сомневаясь больше, оттащил он его за волосы, стиснул горло. Спросил командира:

— Поведем?.. Или как?..

— Поведем, — слабея от ран, отозвался Морозов: — «Язык» нужен.

Отбросив в снег оглушенного офицера, Посконкин заботливо склонился над командиром, но офицер снова кинулся на него сзади.

— Живуч, собака! — крикнул Посконкин, увернулся и несколькими ударами того же штыка прикончил упрямого офицера, хоть и досадно было лишиться «языка».

Подобрав лыжи, свои и командира, Посконкин повел его, поддерживая под руку. Вблизи — никого. Шли медленно, с передышками у каждого тороса. По лицу Морозова Посконкин видел, как тяжело и мучительно было ему двигаться. Выдержка и мужество командира вселяли и в Посконкина силы и желание побороть все встречные преграды.

В предрассветных сумерках показались двое. Издалека окликнул их Посконкин.

— Стой… кто?

— Свои, свои! — Это были бойцы отделения Морозова — раненный в руку Полунин и Смирнов. Вчетвером стало веселей и легче, хотя двое были ранены. Шли медленно и долго. Соразмеряя силы со слабейшим, плутали по заливу, находили часто собственные следы, и не видно было конца испытаниям. Только крепкое товарищеское чувство, боевое содружество и ясное сознание долга взаимно поддерживали моряков. И первогодок Посконкин сознавал себя равным среди старших товарищей, к которым питал дружбу и любовь такой же силы и глубины, как и ненависть к врагу.

Продолжали итти. Полунин впереди пробивал в глубоком снегу лыжню. Посконкин, поддерживая Морозова, шел за ним. Через торосистые преграды вдвоем перетаскивали командира и снова двигались вперед. Все чаще встречались торосы. Люди изнемогали. Морозов вдруг остановился и приказал здоровым — Посконкину со Смирновым — итти дальше к базе, а раненому Полунину оставаться с ним.

— Так скорее доберетесь. А с базы помощь пришлите.

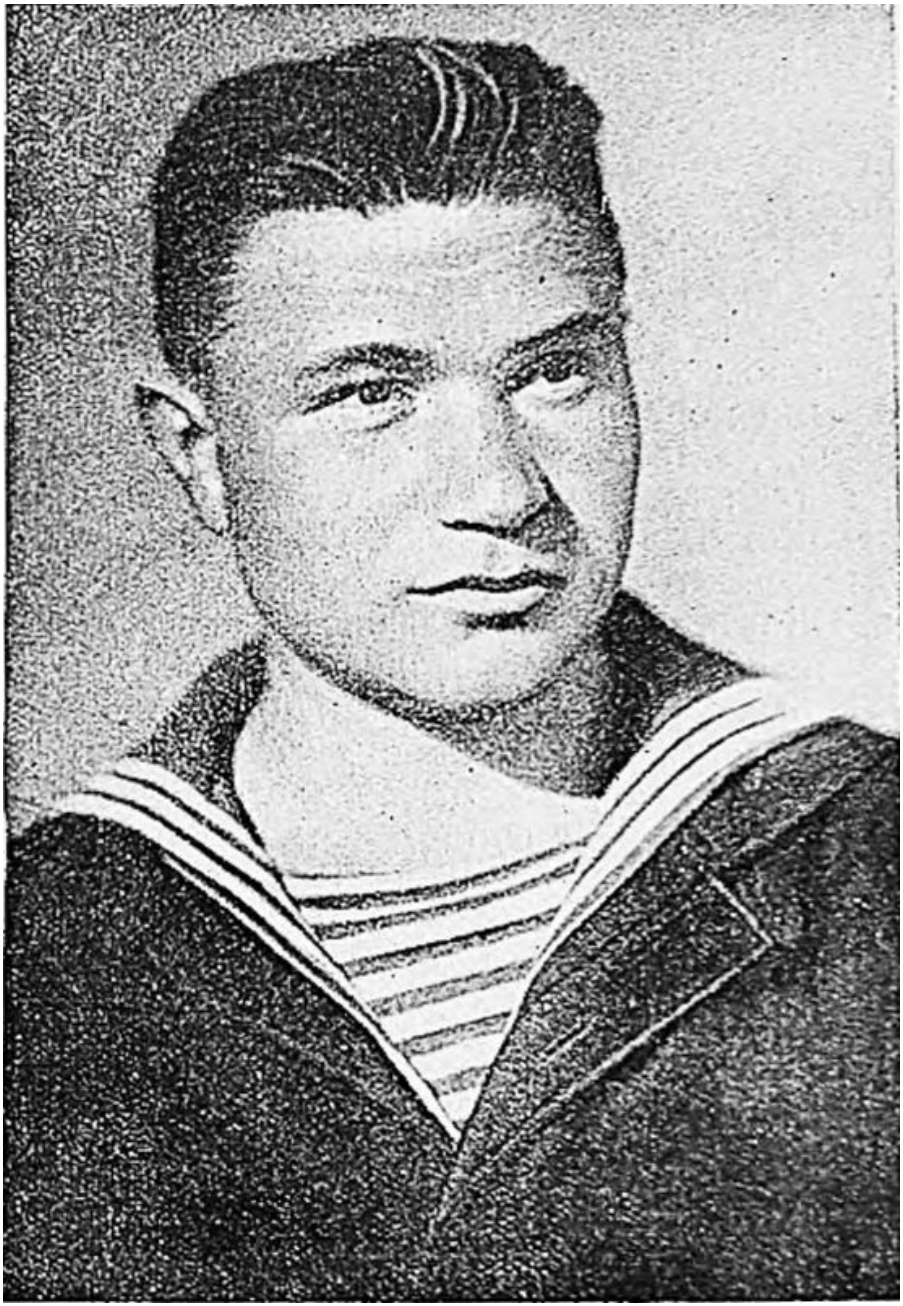
Со слезами на глазах исполнил Посконкин приказание. Расставаясь с командиром, упросил взять два куска сахару, случайно сохранившиеся в кармане.

— Сахар согревает, товарищ командир! — говорил он настойчиво. — А, главное, не сидите на снегу. Двигайтесь, хоть понемножку.

И когда, наконец, полуживые достигли родного берега и вышли к заставе Посконкин и Смирнов, то, отказываясь от заботливой помощи красноармейцев, заторопили их:

— Туда, поскорей, туда… там командир остался. И еще товарищ один, — и указывали в глубину залива, скрывавшуюся в морозном тумане.

И только направив людей за командиром, Посконкин, едва держась на ногах, выпустил из рук винтовку.



Герой Советского Союза А. Ф. Посконкин.

* * *

Отрезанная прожектором группа Чепрасова, отбиваясь, благополучно вышла из боя и также вернулась на базу. Сильнее

пострадала разведка Армизонова, на которой противник впоследствии сосредоточил весь свой огонь и злобу. Пять героев-балтийцев остались навеки в снегах залива. Но дорогой ценой заплатил враг за их смерть — один Армизонов насчитал шесть белофинских трупов, не говоря о тех, что остались в ледяном хаосе торосов, скошенные пулеметами и винтовками моряков, изорванные в клочья гранатами Посконкина, Морозова, Армизонова.

Отбив атаки врага и выйдя из огня, Армизонов собрал двадцать одного человека. Погасли прожекторы. Было семь часов утра. Скоро рассвет. Надо поскорее уходить. Ждать больше нельзя. И вдруг, к общей радости, из темноты вынырнули двенадцать белых фигур. То был Гошунов со своими бойцами. Бесплодно просидев в засаде всю ночь, он, огорченный, отошел к условленному месту у берега, где лежали люди секрета. Прихватил и их с собой.

Гошунов, услышав о жестоком бое на льду залива, развел руками:

— Когда же это было? Да мы же прислушивались и хоть бы один выстрел слышали! Только лучи прожекторов видели, ну, я думаю, щупайте, щупайте. Мы вас тут тоже пощупаем!

Где-то между снежными просторами залива и звездным небом поглощались звуки боя. Северная морозная тишь заглушила все яростные звуки этой ночи.

Но подробно и долго, переживая каждую деталь, вспоминали в снежных землянках деревушки Руси об этой первой лыжной разведке.

СТАРШИНА АРМИЗОНОВ

В тяжелом, казалось непробудном, сне лежали усталые люди на жестких двухъярусных койках. Толстые ватники и белые полушубки служили и подушками и одеялами. Спали в одежде, потому что каждую минуту сон мог быть прерван внезапной тревогой, сигналом к выступлению.

В помещении первой роты зазвенел телефон. Подбежал возившийся у печки дневальный.

— Есть. Старшине Армизонову явиться к командиру.

Жалко будить старшину — совсем недавно заснул и так сладко спит. И, казалось, нелегко будет добудиться его.

Но стоило дневальному дотронуться до рукава спящего, как старшина вскочил и, в поисках валенок, привычным движением пошарил ногами под койкой.

— Капитан Лосяков требует, — доложил дневальный, стараясь в суровые слова приказа вложить человеческую теплоту и сочувствие.

Нахлобучив ушанку, Армизонов вышел на воздух. Был крепкий мороз. Упруго скрипел снег под ногами.

Через несколько минут он сидел за столом командира и слушал короткие, передаваемые его тихим, прерывистым голосом, фразы боевого задания.

Сейчас двадцать два часа. Через час выступите. Направление: мыс Ритониеми, на западном берегу Выборгского залива, — и командир ткнул пальцем в точку на потертом зеленом поле трехверстки. — Задача — выявить без боя или с боем огневые силы противника. Главное, ищите артиллерию. Возьмите взвод.

— Есть, товарищ командир!

— Собирайте людей. До панфиловского батальона я поеду с вами.

В поход провожал своих бойцов командир лыжного отряда балтийцев капитан Лосяков. Ему хотелось до последней минуты пробыть с ними.

До деревни Петла ехали на машинах, там встали на лыжи и построились во мраке ночи. Лосяков и Армизонов еще раз обошли своих людей, опросили, проверили снаряжение. Бойцы отвергали заботы, казавшиеся им излишними.

— Не впервой… Не маленькие, пальца в рот не клади, — раздавались веселые, шутливые замечания.

Отряд выступил, а капитан Лосяков остался в расположении батальона, обещая, впрочем, попозже подойти, если позволит обстановка.

Позади походной колонны балтийцев тянулись сани в конной упряжке. В них были погружены боеприпасы, гранаты и радиостанция.

* * *

К мысу Ритониеми отряд должен был подойти часам к семи утра, то есть на рассвете. Здесь ему следовало залечь на льду залива, маскируясь и наблюдая целый день, а с наступлением темноты придвинуться к самому неприятельскому берегу.

Всю ночь двигался без передышки отряд Армизонова. Но путь оказался более трудным, чем можно было ожидать. Глубокий рыхлый снег и бесформенные громады торосов срывали намеченные сроки, и когда позади, на востоке, из предрассветного мглистого тумана выплыл огромный багряный солнечный диск, до цели оставалось не менее шести-семи километров.

Добровольцы-лыжники.

Один из многочисленных островков Выборгского залива Руонти весьма кстати вынырнул вместе с солнцем на поверхность ледяной равнины и предложил для временного укрытия отряда густую хвойную зелень своего леса. Армизонов принял

молчаливое приглашение. Обошли островок. Он был пустынен. Наткнулись на брошенную финскую землянку. Внутри все было разрушено, сорвана входная дверь с петель и доски со стен. Даже дощатый настил на полу не был забыт уходившими в бессильном озлоблении и разворочен. Однако, за неимением лучшей «жилплощади» расположились частью в землянке, частью на открытом воздухе. За долгий путь люди проголодались, и Армизонов разрешил заправиться галетами.

Вынужденное бездействие на заброшенном пустынном островке тяготило его.

«Что ж, — размышлял Армизонов, — сидеть тут до вечера и терять целый день? И так задержались в дороге».

И он решил километра четыре, а то и все пять пройти немедля в направлении к берегу, а там, наверное, найдется добрый торос — за ним и залечь. А дальше — судя по обстановке.

Люди обрадовались. Томительнее всего было сидеть без дела.

Для связи с командованием на острове Бьеркэ Армизонов оставил на Руонти промежуточную радиостанцию и при ней двух краснофлотцев Кожемяко и Коренева и старшину Андреева.

Около полудня седьмого марта тридцать четыре лыжника снова скользнули на лед. Ввиду близости неприятеля шли медленно, осторожно. Часа через полтора, подойдя километра на два к мысу, облюбовали весьма подходящий по своим размерам, высоте и положению торос и залегли за ним.

Тут Армизонов обосновал свой главный опорный пункт. Первым делом развернул рацию и, спустя несколько минут, связавшись с промежуточной станцией Андреева, услышал его веселый радостный возглас:

— У меня все в порядке, товарищ командир! Готов к приему и передаче.

Так была установлена связь с главной базой.

Вокруг царила тишина. Искрился под солнцем снег, переливались радугой изломы сверкающего льда и сосульки на торосах, а впереди синел узкой полоской прибрежный неприятельский лес. Долго и внимательно, не отрываясь от бинокля, изучал Армизонов окружающий пейзаж. На берегу ничто — ни слух, ни глаз — не могло обнаружить присутствие неприятеля. Только одинокая наблюдательная вышка маячила над лесом. Но старшина не обманывался насчет этой мирной белофинской идиллии. Его задачей было нарушить ее во что бы то ни стало, вольно или невольно, и собрать нужные сведения.

— Пора, — решил Армизонов. — Все ясно. Надо пощекотать

зверя в норе, чтобы он чихнул. — Старшина вызвал к себе четырех моряков.

Пришли: Подстольный с «Октябрьской Революции», балагур и рослый красавец, отрастивший за войну черную бороду, Посконкин — застенчивый, хоть и прославленный уже геройством в разведках, и маратовцы — Ширяев с Николаевым. К четверке отборных обратился Армизонов:

— Задача вам такая: пойдете к берегу. Двигайтесь ближе и ближе на виду противника, хоть на двести метров, но не дальше, пока он огонь не откроет. Потом залягте, подразните ответным огнем и назад сюда. Близко от берега будете — все примечайте и напамять берите.

— Будет исполнено, товарищ командир, — ответил за всех Подстольный.

Через минуту четверка перевалила за торос на чистый простор.

Прижавшись к ледяному выступу тороса, следил Армизонов в бинокль за продвижением разведчиков. Он был уверен в своих людях. Не раз гуляли они по вражеским тылам.

— Эти не подкачают… Прикажи — так на самый берег выйдут.

* * *

Где-то далеко в тылу послышалась знакомая металлическая песня. Повернув голову, не отнимая бинокля, Армизонов поймал на линзу звено самолетов.

— Свои… Определенно!.. С востока — больше некому…

Песня машин усиливалась с каждой минутой и, наконец, полилась сверху, над самым торосом. Звено бомбардировщиков шло прямым курсом, держась на внушительной высоте. По сторонам гигантских, распластанных в воздухе серебристых птиц суетливыми ласточками сновали охраняющие «ястребки».

Оглушительно рявкнул вдруг молчаливый берег, и безоблачная синева запестрела белыми комочками зенитных разрывов. Еще и еще… С радостным волнением, не отрываясь от бинокля, упивался Армизонов величественным зрелищем воздушной атаки. Сбросив тяжелый треух, он провел ладонью по чисто выбритой голове, покрывшейся нервной испариной.

Не меняя курса, словно не замечая зенитных разрывов, гордые плыли самолеты к цели. Содрогается вражеский берег, забрасывая дерзких вихрями шрапнели, оставляющими в небе красный или зеленый трассирующий след. Вот ведущий самолет

вышел на берег,

поравнялся с наблюдательной вышкой и легко развернулся на северо-запад. Его маневр повторили остальные. Черные молнии «гостинцев» мелькнули под крыльями и потрясающим землю, воздух и залив гулом разрядились внизу. Над лесной щетиной взметнулось громадное чернобурое облако дыма и земли. Ураганным огнем, сливающимся в единый яростный, захлебывающийся вой, отозвались белофинские пулеметные и артиллерийские зенитки. Снова бомбы, и новый дымный смерч взвился над лесом. Один за другим сбрасывали бомбардировщики свой груз на невидимые Армизонову вражеские укрепления и, опорожнив вместительные чрева свои, медленно развернулись и легли на обратный курс на еще более недосягаемой высоте. А берег, словно обезумев, продолжал слать им вдогонку снаряд за снарядом.

Издалека артиллерийская «шестерка» бессмысленно била по заливу.

— Держи, держи, а то уйдут, — издевались разведчики. — Соли, соли на хвост… вернейшее это дело.

* * *

Тем временем благополучно возвратились четверо.

Выслушав донесение, Армизонов при помощи связистов Харитонюка и Кудрова связался с капитаном Лосяковым. Тот, как и обещал, прибыл на Руонти. Станция работала безукоризненно.

Армизонов сообщил, что под самым мысом Ритониеми противник опоясался двумя рядами проволочных заграждений, а на берегу отчетливо видно движение машин по дорогам и перебежка людей. Но капитану Лосякову этих скупых данных было недостаточно, и он приказал по радио повторить разведку к тому же мысу, но усиленной против прежнего группой.

Армизонов наметил для этого пятнадцать человек. Снова пошла та же четверка. Пошли и новых одиннадцать человек во главе с младшим лейтенантом Жуковым и младшим политруком Шевченко. Теперь это уже не горсточка храбрецов, а вооруженный до зубов отряд. При нем — три ручных пулемета, три гранатомета и пятьдесят гранат. Эти основательно потревожат зверя, поднимут его в берлоге.

Отправляя отряд в путь, Армизонов поставил перед ним задачу: итти на максимальное приближение к берегу и вызвать врага на огонь. Если все же он будет отмалчиваться — бить его

первыми.

Таким путем удастся разведать о расположении, силе и характере неприятельских огневых средств.

Надвигались зимние сумерки. Пятнадцать человек давно ушли, их белые маскировочные халаты почти растворились в снежной белизне залива, а Армизонов все еще пытался проследить в бинокль за их призрачными движениями.

Поднявшийся вдруг ветер пригнал облака. Крупчатый снежок запорошил стекла бинокля и прервал наблюдения. Сгинули с глаз пятнадцать смельчаков. Для оставшихся наступила тягостная тишина и вынужденное бездействие. Но недолго длились они.

От скрытого мглою берега донеслись придавленные далью и снежной завесой звуки стрельбы.

— Наши… пятки щекочут, — довольным смешком отозвался командир взвода Гошунов и потом, обращаясь к Армизонову: — Позвольте, товарищ старшина, достать с маяка огоньком на берег.

Левее и ближе к берегу высился темной башней брошенный белофинский маяк. С разрешения Армизонова, Гошунов, вместе с краснофлотцем Смирновым, прихватив пулемет, пробрались туда. Не прошло и пяти минут, как к звукам далекой береговой стрельбы присоединился близкий пулеметный треск с маяка.

Стемнело вовсе. Легкий снежок при сильных порывах ветра перешел в бушующую метель. На короткое время повсюду стихла стрельба. Дальние зарницы осветительных ракет прорезали береговую тьму и снова, в коротких вспышках выстрелов, продолжался огневой поединок. Все сильнее и сильнее откликался из пулеметов и гранатометов раздраженный дерзостью балтийцев противник. Но артиллерия его, скрывая позицию, хранила упорное молчание.

Уже больше трех часов, как ушла высланная Армизоновым разведка, подавая о себе весть лишь частой отдаленной перестрелкой. Потом и эта слабая звуковая связь оборвалась. Суша и лед погрузились в густое, темное безмолвие.

— Пора бы им и вернуться! — тревожился старшина и выслал для розысков двух человек: Фурсу с «Октябрьской Революции» и юнца Бабодина из кронштадтской школы оружия.

Тревога за судьбу товарищей охватила всех бойцов.

К Армизонову подходили то одиночки, то группы красноармейцев.

— Товарищ старшина! Прикажите, пойдем на поиски. Ведь они там, может, в помощи нуждаются. Как же мы? Что же мы?

Балтийцы готовы были полезть хоть к чорту на рога, зубами вырвать своих товарищей, не считаясь с огромным численным

превосходством врага.

Армизонов и сам испытывал те же чувства. Но нельзя горячиться, надо действовать обдуманно. Во всяком случае, нужно подождать высланных на поиски.

* * *

Возвратились с маяка Гошунов со Смирновым.

Потом, — может быть, немного прошло минут, но минуты эти казались часами, — пришли и Фурса с Бабодиным.

Только пятнадцати нет и нет.

Противный, щемящий страх за их судьбу сжимал сердце Армизонова.

Гудела во мраке пурга, забивая снегом все ледяные выемки и щели торосов, наметая по заливу большие сугробы и покрывая людей пушистым, белым одеялом. Обеспокоенный долгим и непонятным отсутствием группы Жукова и Шевченко и усложняющей положение ночной метелью, Армизонов то и дело посылал донесения и запросы командиру Лосякову.

На затерянном в снегах островке Выборгского залива сидел в холодной покинутой врагом землянке командир лыжного отряда и при тусклом мерцании свечи с трудом разбирал наскоро написанные слова радиограмм Армизонова: «Разведка в пятнадцать человек во главе с Жуковым и Шевченко еще не вернулась. Как быть? Посылал Фурсу и Бабодина — не нашли. Разрешите несколько сигнальных ракет».

Подозвав радиста Андреева, осторожный командир Лосяков продиктовал ответ:

— Ракет не пускать — себя обнаружите.

И снова мчались к Лосякову, за пять-шесть километров, через пургу, мрак и холод радиоволны.

— От ракет опасности не вижу, — настаивал Армизонов: — артиллерией крыть не станут, чтобы себя не выдать, а пулеметом не достанут. Сидим за хорошим торосом.

Спустя короткое время, разрезая снежные вихри, высоко взнеслись одна за другою три ярких вспышки ракет и погасли. Еще гуще стал мрак на заливе, еще унылей, еще тоскливей завывание метели, еще безотрадней на душе оставшихся с Армизоновым. Продрогли и застыли его люди от долгого и неподвижного сиденья в торосах. Тяготило бездействие, волновала судьба товарищей.

И снова запрашивал старшина командира:

— Прошу разрешения отойти к вам, обогреться бойцам в

землянке, напиться теплой воды, а потом уже наладить розыск группы.

Очень хотелось Лосякову бросить отряд Армизонова целиком к неприятельскому берегу и, уцепившись за него, собрать побольше ценных сведений. Но он понимал, что при такой погоде утомленная и ослабленная разведка Армизонова едва ли в состоянии выполнить такую сложную задачу.

— Пусть возвращаются и отсюда поведут розыск, — передал радист Андреев согласие командира.

Быстро собрались краснофлотцы Армизонова, свернули рацию и погрузили на сани. Черной вьюжной ночью тронулись в обратный путь. Шли кучно, чтобы во мгле не потерять друг друга.

Позади в санной упряжке попрежнему бодро шагала лошадь, легко вытаскивая ноги из неглубокого по заливу снега и осторожно обходя встречные сугробы.

Метрах в пятистах слева послышался неясный шум. Насторожились, замедлили шаг.

— Свои или нет?..

Чтобы сразу рассеять сомнения, Армизонов пустил ракету. За выстрелом из ракетницы слева сквозь пелену метели вспыхнул матовый свет и слабо озарил небольшую группу движущихся на лыжах людей. Готовый ко всему, Армизонов приказал одному отделению на всякий случай окружить неизвестную группу. Но еще прежде, чем эта мера предосторожности была осуществлена, выяснилось, что идут свои. К Армизонову прибежал дозорный:

— Наши, товарищ старшина, семь человек под командой Чегарева.

То было семь человек из жуковского отряда, из них двое раненых: краснофлотцы Макеев и Салей. Салея, раненного в ногу, везли на лыжах, а Макеева, с обеими простреленными руками товарищи бережно вели, поддерживая с двух сторон.

Чегарев рассказал, что, выполняя задание, группа Жукова и Шевченко подтянулась почти вплотную к берегу, дразня врага сильным пулеметным и гранатометным огнем. Не выдержав, он открыл ответную бешеную. стрельбу. Группе пришлось расколоться. В пылу боя обе части вскоре потеряли друг друга. Однако Чегарев успел получить нужные сведения об огневых точках врага. Имея уже двух раненых, Чегарев правильно рассудил, что дальнейшее пребывание в виду неприятеля грозит гибелью остальным его людям. И начал отход.

Встреча с Чегаревым принесла Армизонову немного радости, так как не освободила от тревоги за судьбу остальных восьми, тем более, что в группе Чегарева поговаривали о гибели самого

Шевченко. Армизонов приказал поскорее уложить раненых в сани и итти дальше на короткий отдых в землянке. Оттуда, со свежими силами, надеялся Армизонов приступить к организованным и продуманным совместно с Лосяковым поискам товарищей.

Конечно, можно было бы связаться с командиром и по радио. Но аккуратно свернутый, укутанный грубым брезентом аппарат покоился под толстым снежным покровом в санях. И установка его потребовала бы больше времени, чем оставшийся переход до командира.

Побежали с такой стремительностью, что лошадь с трудом поспевала за лыжниками. Не прошли и километра, как справа снова послышалось лыжное шарканье. Снова Армизонов пустил ракету, и снова в отблеске ее выступило восемь человеческих силуэтов. Это была недостающая часть группы Шевченко.

Они!! И Шевченко впереди!

— Брехня… — возмутился Шевченко, узнав о своей мнимой смерти: — Кто меня может убить? Еще тот белофинн не родился, и я вас заверяю, товарищ старшина, что никогда и не родится.

Командир отделения Фоменко, которого люди Шевченко несли на руках, был ранен осколком из белофинского гранатомета. К счастью, рана неглубокая, кость не задело.

Уложив третьего раненого в те же сани, продолжали путь.

Командир группы, младший лейтенант Жуков, шагал рядом с Армизоновым и на ходу рассказывал, как обнаружил на опушке леса полевую и зенитную батареи врага, как в завязавшемся бою исключительно храбро дрались краснофлотцы Фоменко, Буднов, Кафтанюк и другие, как группа бойцов, в том числе Посконкин и Подстольный, сразу же после боя заявили секретарю ВЛКСМ Шевченко: «хотим в партию подавать».

— Теперь Лосяков уже наверно будет доволен, — усмехнулся Армизонов: — возвращаемся не с пустыми руками, сведений хватает…

* * *

В полночь вернулись на мерзлый берег Руонти.

Встревоженный исчезновением группы в пятнадцать человек, Лосяков с облегчением выслушал подробнейший доклад Армизонова. На успокоенном лице командира, в улыбке его глаз прочел Армизонов полное удовлетворение. Лыжникам дали отдых и приказали ночью же сниматься для обратного марша на Бьеркэ.

Часа через два Армизонов заметил, что бойцы его утомлены и

замедляют шаг. Скомандовал:

— Стой! Короткий привал. У кого есть — покурите.

Но никто не воспользовался разрешением. Предпочли повалиться прямо на снег. Через мгновение привал напоминал поле сражения, усеянное мертвыми телами. Но не прошло и пятнадцати минут, как все эти «мертвецы» по команде начальника ожили, воспряли и снова зашуршали лыжами по снегу.

Метель, к счастью, улеглась. Видимость улучшилась. Впереди растянувшейся колонны на лошади ехал капитан Лосяков. Шествие замыкали другие сани с рацией, пулеметами и ранеными. Подле них шел на лыжах Армизонов с несколькими бойцами.

Время шло и шло, а признаков наезженной близ жилья дороги все еще не было. Лошади начали уставать: глубокий снег от метели, тяжелая поклажа. К тому же их не поили давненько. Лосяков и Армизонов обсудили положение и порешили большинство лыжников направить вперед к базе, а остальным — следовать при раненых.

Близилось утро, но было еще темно. По расчетам времени Бьеркэ должен был быть невдалеке. Армизонову видно было из хвоста колонны, как закружили на месте передние, повертелись и вдруг исчезли во мраке. Провалился с ними во мглу и капитан Лосяков с санями. Оставшись один, Армизонов остановил измученную лошадь — пусть отдохнет пока, — а сам отправился на поиски дороги. Должна же она быть где-нибудь тут поблизости. Сюда, он помнил, не раз заходили с острова бойцы батальона Панфилова. Помнил, что вдоль наезженной дороги тянулся и телефонный провод, вплоть до самого Бьеркэ. Долго шарил старшина в темноте, уходил вперед, возвращался, кидался усталый по сторонам, пока, почти отчаявшись в успехе, не наткнулся головой на низко подвешенный к тонким шестам железный провод.

— Теперь все в порядке, — обрадовался старшина и, кликнув краснофлотца, приказал ему, держась за провод, итти па лыжах вперед.

Достигнуть теперь берега не представляло уже никакого груда.

* * *

Светало, когда Армизонов вышел к острову Бьеркэ в районе расположения части капитана Викторова. Еще на льду его

остановил передовой дозор батальона:

— Стой… пропуск и отзыв?!

Откуда ж Армизонову их знать, если он ушел в разведку шестого, а возвращался восьмого? Но, узнав Армизонова, дозорный обрадованно сообщил:

— А мы вас, товарищ старшина, со вчерашнего дня дожидаемся. На все заставы сообщили. Прямо заждались. Огонь в печке не гасим.

У Армизонюва навернулись слезы, так растрогала его эта братская забота.

Выйдя на берег, Армизонов стал дожидаться своего командира. Оказалось, тот застрял с лошадью в тяжелых торосах в двух километрах южнее. Красноармейцы выбежали навстречу, заботливо сняли с разведчиков лыжи и понесли их. Другие поддерживали под руки измученных людей. На заставе, в жарко натопленной избе, моряков ждал роскошный и обильный обед. Настойчиво угощая, хозяева засыпали гостей десятками вопросов.

Часам к одиннадцати утра, к искреннему огорчению красноармейцев, лыжники решительно поднялись из-за стола, не «освоив» и половины угощения.

— Домой, домой, ребята… — торопил Лосяков. — Ждут нас.

Километрах в полуторах от заставы лыжников поджидали машины.

С наслаждением сняв лыжи, расселись они на поперечных досках, заменявших сиденья. Раненых уложили на мягкой соломе и матрацах и поехали.

Через несколько километров — застава Панфиловского батальона. Здесь сдали раненых. Опять привал, опять трогательная встреча, обед еще более обильный, еще более разнообразный. Знали и ценили красноармейцы героическую, самоотверженную работу балтийских товарищей и своим вниманием и любовью выражали чувства всего советского народа.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

ПЕРЕД ПОХОДОМ

К середине февраля лыжники-балтийцы, пройдя отличную боевую школу в разведках и многочисленных схватках с врагом, приобрели боевой опыт и крепкую огневую закалку. Не осталось больше в отряде необстрелянных, уже никого не пугал ни пулеметный, ни артиллерийский огонь, даже когда снаряд ложился рядом. Только ничком кидались люди в снег.

Вместе с частями N-ской стрелковой дивизии готовился и отряд моряков к одновременному удару по сильнейшей Муурильской оборонительной позиции.

Прикрытое грозными ДОТ с востока крупное финское селение Муурила расположилось на сорокаметровой прибрежной высоте Финского залива и само по себе представляло естественную преграду для наступающих с моря. За спиной своих ДОТ Муурила все силы и внимание сосредоточила на охране высоких, лесистых береговых подступов. Частые, дерзкие набеги балтийцев в глубокий тыл не раз тревожили Муурилу, напрягая нервы ее защитников до крайности. Почти каждую ночь над береговыми укреплениями противника вспыхивали цветистые огни осветительных и сигнальных ракет ложной или подлинной тревоги, да мерцающие переговорные искры морзянок. Но до сих пор шло только нащупывание врага. Теперь морской отряд готовился ударить в лоб по неприступному Муурильскому берегу, угрожая выйти в тыл ближайшим ДОТ.

Враг отлично понимал значение Муурильской позиции и с первыми признаками наступления балтийцев сосредоточил в этом районе значительные подкрепления. Целый полк стянул он сюда из скудных своих живых резервов, ослабляя смежные участки. Это сильно облегчило наступление Красной Армии и привело к успеху удара в решающем направлении. Отряд моряков лыжников выполнил свою основную задачу и заслужил благодарную память народа.

ИДЕЙНАЯ ПОДГОТОВКА

Утром двенадцатого февраля в лагере моряков царило большое оживление. Смутные предвестия грозных событий

носились в воздухе; лица людей были серьезны и озабочены. К землянке комбрига Денисевича часто подходили на больших скоростях легковые машины с командирами и связистами, в штабе трезвонили полевые телефоны, надрывались на приеме и передаче приказов радисты в штабной радиостанции старшего лейтенанта Моркотун. По гладкой дороге к лагерю неистово мчались полуторки со снаряжением, продовольствием и боезапасами. Громыхали набеленные танки, фырча, тяжело выползая из леса.

Волнение усилилось, когда стало известно о предстоящем генеральном штурме Муурильских высот прямо со льда. Вместе с лыжниками должен был итти и батальон под командой капитана Панфилова. Шли последние деловые и вместе с тем дружеские беседы политруков и командиров с бойцами, летучки коммунистов и комсомольцев и, наконец, общий митинг в боевом строю. Взволнованно слушали бойцы горячую страстную речь комбрига Денисевича. Командир дивизии полковник Лазаренко призывал отряд к смелости, дерзости и беспощадности к врагу:

— Вся история Балтийского флота — сплошной революционный подвиг и дерзание. Продолжайте эту прекрасную традицию, ибо в ней залог неизменных балтийских побед. Я знаю, я верю, что сегодня вы — младшее поколение старых балтийских героев — впишете новую славную страницу в историю нашего любимого флота.

— Клянемся!.. — вырвался у моряков единый могучий крик.

Комиссар отряда лыжников батальонный комиссар С. Г. Богданов (слева) беседует с политруками подразделений о партийной работе в боевой обстановке.

После митинга огласили приказ: одной роте лыжников прикрывать левый фланг наступающей морской пехоты от угрозы с острова Бьеркэ, а другой — следовать на командный пункт наступления в Лаутеранту и оставаться пока в резерве комбрига.

Уединившись в своей землянке, капитан Лосяков и комиссар Богданов распределяли роли: Богданов пойдет со второй ротой, которой командует лейтенант Жуков, на прикрытие, а Лосяков до особого распоряжения останется с первой.

Не успел Богданов закончить беседы с командиром, как его вызвали на другое совещание.

Здесь собрался весь политсостав лыжников. В дальнем углу землянки заметил комиссар за низким плохо освещенным столиком члена Военного Совета Краснознаменного Балтийского флота Яковенко. Уверенным голосом рисовал он международную обстановку, говорил о текущей войне и приводил замечательные случаи геройства моряков в авиации, на боевых кораблях и подводных лодках.

— Очередь за вами, товарищи лыжники, и раньше всего — за политработниками… Первыми среди первых, лучшими среди лучших должны быть вы, — закончил товарищ Яковенко.

Просто и коротко отвечали старые коммунисты и безусые комсомольцы.

— Мы свой долг знаем, мы его исполним.

После выступления члена Военного совета Богданов быстро организовал совещание командиров и политруков. На специальном собрании коммунистов отряда парторг Боковня распределил партийные силы по частям и подразделениям лыжников, напоминая об их передовой роли в близкой решительной схватке.

— Ты будь, — говорил он, — коммунистом не только здесь, но и там, у самой проволоки, под горячим огнем. А что значит быть коммунистом? Это значит — всегда во всем и всюду быть впереди. Это значит — за дело коммунизма, если надо, отдать жизнь.

Во всех уголках лесного лагеря проводились собрания, летучки, короткие митинги. Командиры и политруки рот подробно разъясняли бойцам их задачи, комсорги призывали комсомольцев не отставать от своих старших партийных товарищей. Тут же заключались договоры боевого

социалистического соревнования. Идейная подготовка не отставала от боевой.

Подле землянки лыжников первой роты было особенно оживленно. Перед дальней дорогой моряки тщательно смазывали лыжные полозья.

Сосредоточенно работая вместе с другими, командир отделения Переверзев негромко напевал:

«Тучи над городом вьются,
В воздухе пахнет грозой.
За счастье народное бьются
Отряды рабочих бойцов»…

Еще тише вторили ему товарищи:

«За счастье народное бьются
Отряды рабочих бойцов…»

Прислонив смазанные лыжи к дереву, Переверзев потянулся и мечтательно зажмурил глаза. Нетерпеливо ждал он боя.

Этот горячий южной крови моряк не знал половинчатых желаний. Только за победой пришел он сюда добровольцем. И если нужно, то за победу не жалко с честью умереть. И товарищи, зная его пылкую натуру, любя его за добрый и всегда веселый характер, опасались за его жизнь, приглядывали за ним и берегли, как умели.

НАЧАЛО

Для начала на охрану тыла наступающих батальонов со стороны острова Койвисто-Бьеркэ двинулась вторая рота лыжников под командой младшего лейтенанта Жукова с политруком Яковлевым. С ними шел и комиссар лыжников Богданов. Два красноармейских батальона дивизии вместе с батальоном капитана Панфилова уже вели со льда нажим на Муурилу.

В ночь на тринадцатое февраля без всяких помех вторая рота заняла указанную ей позицию на льду, против острова Бьеркэ. Развернули рацию и сообщили комбригу Денисевичу о своем местонахождении. Пользуясь темнотой, приблизились к острову на дистанцию действительного пулеметного огня.

Близился рассвет, когда Богданов с Жуковым, томимые бездействием, получили желанный приказ подтянуться поближе к батальону Панфилова. Желая помочь его наступательным операциям, ввязались в перестрелку с врагом, но ближе двухсот метров к берегу и самому Панфилову не удавалось подойти: уж очень свирепый огонь развили белофинны.

Первая лыжная рота продолжала оставаться на командном пункте — на полуострове Лаутеранта. Там находились: комбриг Денисевич, капитан Лосяков, Чепрасов и командир первой роты Армизонов с политруком Бываловым.

На подступах к Муурилe шел в то время жаркий бой.

Батальон Панфилова рвался к берегу под сильным огнем.

В нетерпеливом ожидании известий о ходе панфиловского наступления ходил по землянке комбриг, как вдруг ему донесли:

— Связь с Панфиловым нарушена.

— В чем дело? Не может этого быть! — озлился Лосяков. — Немедленно наладить!

Обращаясь к Чепрасову, комбриг приказал:

— Возьмите двух человек и держите напрямик. Но глядите — по берегу наши минные поля. Напоретесь — погубите людей!

— Есть, товарищ комбриг, — ответил Чепрасов: — расположение полей знаю.

Чепрасов, прихватив двоих лыжников, покинул командный пункт и вышел на лед. Здесь надо было соблюдать величайшую осторожность: вдоль берега пролегали минированные нами ледяные поля.

Выйдя, наконец, на знакомую единственно безопасную тропку, Чепрасов прибавил шагу и вскоре повстречал группу лыжников.

Они сообщили, что работа по восстановлению связи уже ведется и скоро будет закончена. Итти дальше было бесцельно, и Чепрасов повернул обратно. Лавируя между замаскированными минными полями, он вышел на берег.

На командном пункте застал гостя — командира дивизии полковника Лазаренко. Тот рассказывал собравшимся командирам лыжников о белофинских силах, сосредоточенных для обороны Муурилы.

— Соблюдайте, товарищи, большую осторожность. Иначе разнесут. Ведь у них там целый полк подтянут, двадцать четыре тяжелых пулемета и до чорта автоматов. Прибавьте тяжелые батареи Бьеркэ.

День двенадцатого февраля был для горячих и нетерпеливых лыжников днем воспитания воли. Дрались другие, они же пока

прикрывали тыл наступающей морской пехоты и занимали оборону командного пункта в Лаутеранте. Погода стояла солнечная и тихая. Поддерживая Панфилова, артиллерия моряков, руководимая капитаном Шура-Бура, била без устали по мыску Кюрениеми ровно, методично и непрерывно.

Словно в непрекращающемся землетрясении ходуном ходил мысок Тамико, откуда велся наш артиллерийский огонь. Неприятельский берег пламенел разрывами снарядов. Как умели и сколько могли, отвечали белофинны. Время от времени, с большими промежутками, с острова Бьеркэ прилетали огромные десятидюймовые снаряды. Шуму от них было много, а проку мало, так как добрая половина не разрывалась.

С грозным ревом летела этакая многопудовая чушка, сшибая ветром испуганных людей, и, потеряв скорость, кувыркалась и грузно бухала боком на лед. Наделав замысловатых антраша, черным гладким боровом зарывалась в снег.

Первые артиллерийские снаряды наполняли сердца иных молодых бойцов щемящим страхом, тягостным ожиданием катастрофы. Убедившись, однако, в их невысоких убойных качествах, бойцы из-за торосистых укрытий уже встречали акробатические штучки снарядов острыми морскими шутками.

ВОКРУГ КОСТРА

К вечеру тринадцатого февраля командованию морского отряда стало известно, что два пехотных батальона под Муурилой выделили самостоятельную группу для прикрытия своего тыла и в защите второй лыжной роты больше не нуждаются. Тогда ее тоже отозвали на командный пункт в Лаутеранту.

С приходом второй лыжной роты на полуобнаженной Лаутерантской косе стало людно и тесно. Кроме нескольких десятков редких сосен, на косе находилась еще покинутая врагом крохотная землянка да маленький домишко из двух горниц. В этих горницах устроили настоящий «универмаг» — и рацию, и командный, и медицинский пункты.

Спать приходилось на воздухе в тридцатиградусный мороз.

Люди давно не ели горячей пищи, поэтому разговоры у костра от самых разнообразных и отвлеченных тем как-то само собой сворачивали на дорожку гастрономических иллюзий.

— На этот бы костер… да плиточку… бы… да сковородочку, да яишенку бы с колбаской, — мечтал один.

— Хватит и одной колбаски! Можно и без яиц, —

снисходительно уступал другой.

Во время одного такого разговора внезапно появился краснофлотец Иванов, волоча какую-то громоздкую штуку. Присмотревшись, лыжники узнали в ней старую, ржавую железную кровать, которая валялась подле домика в снегу.

— На кой ляд ты припер эту рухлядь? — удивлялись сидевшие у костра.

Краснофлотец Иванов молча опустил свою ношу на снег. По-хозяйски осмотрел, выправил погнутые ножки и, подняв с земли, торжественно понес к костру. Его встретили хором веселых замечаний.

— А перина? Перину где бросил?

— Может, прикажете постелить?!

Иванов, не отвечая на шутки, спокойно разомкнул кольцо сидевших и опустил ношу всеми четырьмя ножками на середину костра. Удивленные лыжники умолкли, наблюдая за непонятными действиями товарища. А тот, прочно укрепив решетчатую кровать над огнем, обратился к ним.

— Тащи, ребята, на плиту у кого что есть.

Раздались восхищенные возгласы:

— Ну и голова! Хоть в председатели «Цебриз»!

«Плита», подогреваемая снизу жарким пламенем, украсилась мгновенно десятками консервных банок, котелками со снегом и мороженными галетами.

— Я давно их примечаю, кровати эти, — рассказывал «изобретатель»: — валяются без пользы. А ведь все-таки трофейное имущество.

Железная решетка кровати тем временем накалилась добела и содержимое стоявших на ней сосудов с разнообразной пищей согрелось, распространяя дразнящие ароматы. Снимая с «плиты» горячую банку с мясом, краснофлотец Кочененков громко отчеканил, подражая оглашению приказа:

— Бойцу Иванову за сознательное отношение к трофейному имуществу и использование его на дело питания балтийских моряков — объявляю благодарность.

Завтрак получился знатный: консервы, «чаек» из талого снега, вскипяченный в консервных банках и потому жирный, и все это под мрачную музыку артиллерийского обстрела.

— Пускай бьют, — не поворачивая головы, равнодушно обронил Переверзев: — они сюда второй месяц садят и все без толку. Не обращай внимания, ребята, и береги здоровье.

И бойцы берегли здоровье, прихлебывая чай с галетами. Лишь изредка кто-нибудь бросит критический взгляд в сторону разорвавшегося неподалеку снаряда.

— Недолет!! Против нашего Шура-Буры ничего не стоит.

— Зато снайперы ихние… тут ничего не скажешь, — робко возразил кто-то.

— Снайперы как снайперы, — наседает на него Бочков, — но и наши не хуже. Я вот знаю троих. Один бьет акурат по правому глазу, а если нужно непременно в левый, так бьет уж другой. Третий — специалист по носам. Вот это, я называю, — снайперы!

Вокруг костра грянул дружный хохот.

— А я, товарищи, хочу сказать про другое. Вспомнил я одну историю про походную кухню, — задумчиво сказал Подстольный.

— Давай, давай. Да тише!..

Подстольный известен не только как неутомимый и смелый разведчик, но и как отменный рассказчик. Скучающие бойцы предвкушают удовольствие.

На огневой позиции.

Подождав пока улеглось лесное эхо от взрыва очередного снаряда. Подстольный, откашлявшись, начал:

— Был этот случай в соседней дивизии. Залегла одна рота на позицию. А финик бьет по ней день и ночь. Страсть! Ни вперед сунуться, ни назад податься. Заграждающий! Двое суток бойцы без горячей пищи. Вызывается один ездовой: «я, говорит, имею охоту товарищам обед доставить на позицию».

Посмотрел на него командир: ездовой как ездовой, ничего

приметного. Только глаза ему понравились — добрые и с огоньком таким.

— Разрешаю, — говорит командир, — вези. Только, гляди — сам жизнью рискуешь.

— На то и война, товарищ командир, чтобы жизнью рисковать, и потом товарищей жалко, — ведь не евши сидят.

Запряг лошадку ездовой, сел на кухонный бачок и поехал. Тропочку в лесу нашел и этак километров с пять проехал. Уже близко было до своих. Слышит жаркую стрельбу. Дальше тропка кончается. Опушка, полянка за ней открытая, а в конце на пригорке — рота. Только бы полянку проскочить на аллюре «три креста» и все. Хлестнул лошадку, и понеслась она на выручку товарищам. И все бы пошло, как по маслу. Вдруг: «бах»… и все летит к чортовой бабушке — и лошадь, и кухня, и наш ездовой…

— Мина! — высказал кто-то из слушателей догадку.

Одновременно с последним возгласом где-то совсем рядом, действительно, бахнуло. Слушателей обдало горячим ветром и разметало пламя костра. Терпеливо переждав, как и в начале рассказа, пока бойцы обменяются впечатлениями и водворится молчание, Подстольный невозмутимо продолжал:

— Да… То была фугасная мина. Кухня полетела и грохнулась туда, — Подстольный выразительно показал рукою направление. — Лошадь — тоже туда, а наш друг ездовой — сюда. Как все попадали, так и лежат. Один ездовой — целехонек. Лежит и не двигается. Глаза закрыты, как у покойника. Он и сам думал про себя, что покойник, только странно, что мысли разные в голове и какой-то голос внутренний ему все доказывает: «Открой глаза, открой, не робей!»

Ездовой взял да и открыл — и ничего особенного не случилось. Видит он раненую лошадь, видит пар над разбитым бачком. Ну, раз живой — надо товарищей выручать. Пощупал себя легонько по бокам, потрогал голову, пошевелил ногами. Ничего! В порядке! Посмеялся про себя — прямо чудеса!.. И побежал, что духу, назад в часть… Доложил, как полагается, обо всем командиру батальона. Тот удивился. Позвали врача. Ездового осмотрел: «Здоров», — говорит. Чего-то выпить дал.

Приходит тогда наш ездовой опять до командира:

— Разрешите в соседней роте упряжку с кухней одолжить.

— Зачем? — спросил командир.

— А я опять поеду на позицию.

— То есть как так? — удивился командир батальона: — Вы же — контуженный!

— Наоборот, товарищ командир, я в полном сознании.

Главное, я теперь дорогу хорошо знаю, позицию своими глазами видел и уж теперь-то людей обязательно горяченьким угощу. Не сомневайтесь, прошу, товарищ командир.

Ну, как отказать? Ведь не за себя просит человек…

Опять покатил наш ездовой по знакомой дороге. Стал подъезжать. Уж слышна перестрелка. Вот и яма от фугасной мины, вот и лошадь лежит, только теперь уж ногами не дрыгает; щи на снегу остыли. Объехал и выкатил с полного хода на полянку. Что есть мочи нахлестывает и по снегу кренделя выписывает. По нем палят, а он все петляет со щами да с кашей. Полянка пошла в гору. Там — свои. Белофинны — справа, слева и впереди. Наши, как увидели кухню, огоньку по ним прибавили. А ездовой гонит и гонит в гору. Кругом свистит, грохочет, рвется. Мама моя! Из укрытий свои кричат, руками, касками машут, — приглашают, мол. Будто лихач, подкатил ездовой и остановился за высокой скалой. Выскочили бойцы. Очень обрадовались. Глазам не верят, чтобы человек, да еще с лошадью и кухней, мог добраться сюда через такой огонь. Жмут руки ездовому, благодарят. А ему не до того: «Ничего, говорит, особенного, чтоб такой шум поднимать». — Поварешкой вооружился, крышку бачка отвинтил. Оттуда пар валит, и вкусный дух прямо в нос ударяет.

— Становись, ребята, в очередь. Не толпись! Всем хватит. А нет — еще привезу. Тут недалече, километров пять, не больше…

Подстольный умолк. Молчали и моряки, осмысливая рассказ. Гулко потрескивали еловые сучья в костре. Первым нарушил молчание краснофлотец Ширяев.

— Что ж, по-моему, ездовой поступил правильно. Только особого тут геройства не вижу. Наши ребята, что ни день — под огнем гуляют — и в разведках, и в атаках. Каждый по-своему долг исполняет.

Другие лыжники горячо вступились за ездового:

— Настоящий герой. К тому же шел добровольно. Головой рисковал.

Вокруг костра завязался жаркий спор.

В разгар его прибежал с радостной вестью лыжник:

— Горячий завтрак привезли!

Бойцы вскочили и быстро зашагали к командному пункту, где из полуторки уже выгружались объемистые термосы, аккуратно завернутые в одеяла.

— Одно слово — санаторий повышенного типа, — подходя к машине, сказал Переверзев.

После завтрака, однако, мирная «санаторная» идиллия

нарушилась неожиданным происшествием. С финской стороны послышалось шмелиное гудение. Медленно снижаясь, шел самолет. В сизом мареве зимнего утра не разобрать — свой или чужой. Моряки с напряженным любопытством выжидали, сжимая винтовки. Пулеметчик, задрав ствол пулемета, тихонько водил им по серому небу, не отрывая мушки от приближающейся цели. Самолет спускался всё ниже и ниже и почти на сто метров и, поравнявшись с домиком, брызнул по нем трассирующим фонтаном. Бойцы не остались в долгу — грянули ответные залпы. Вражеский «Фокер» стал удирать, набирая высоту. Стоявшая неподалеку зенитная батарея послала ему вдогонку несколько снарядов. Но он уже успел скрыться, не причинив, впрочем, лыжникам никакого вреда.

— Для отчета летал, сукин сын, — уверенно высказал свое предположение краснофлотец Бочков.

После вражеского визита лыжникам не спалось. Досадовали на себя, что упустили птичку и нетерпеливо ждали ее вторичного прилета, чтобы на этот раз не промазать.

Вообще, в это утро лыжникам было не до сна или скуки. Не успели отгреметь выстрелы белофинского истребителя, как подле самой кухни шлепнулись и разорвались три снаряда.

ПОД ОБСТРЕЛОМ

После полуночи на тринадцатое февраля комбриг Денисевич отдал долгожданный приказ: выступать.

Первым под Муурилой должен был занять исходное положение батальон капитана Панфилова. Левее его — первая рота лыжников. Правее, уступом, — вторая.

Капитан Лосяков, шедший с первой ротой Армизонова, с места вырвался вперед, оставив позади часть Панфилова. У военкома Богданова возникли опасения, что командир задумал наступать первым, не дожидаясь поддержки Панфилова.

Осторожный Богданов посоветовал Лосякову замедлить марш и дождаться Панфилова, чтобы в дальнейшем наступать в тесном взаимодействии.

Бесстрашный командир был уверен в своих бойцах и победе. Не меньше командира жаждал победы и комиссар.

Командир согласился с вескими доводами комиссара и попридержал свой отряд. Подошел Панфилов, состоялось короткое совещание командиров и комиссаров обоих отрядов.

Роли для удара были окончательно распределены. Каждый командир, политрук, каждый краснофлотец знали свое место в бою, свою ближайшую цель и задачу и всем разумом и чувством стремились поскорее ее разрешить.

— Вперед! — скомандовал Лосяков.

Роты двинулись.

Навстречу стали попадаться раненые красноармейцы, эвакуируемые в тыл. У многих на касках виднелись вмятины.

— Просто благодать, лучше всякого ДОТ, — говорили красноармейцы морякам, любовно поглаживая каски: — не пробьешь… А то быть бы на том свете…

Испортилась ровная снежная дорога, изломанная, исковерканная во всех направлениях хаотическим нагромождением ребристых торосов. Становилось труднее передвигаться. Замедлили шаг. До одного из торосов. беспорядочной стеной ставшего на пути, осталось минут пять ходу. Оттуда до берега — метров семьсот. У тороса дали бойцам передышку перед атакой.

Движение наступающих колонн по открытым снежным просторам было отчетливо видно врагу с высоты Муурильских позиций.

То громче, то глуше, относимое ветром, слышалось раскатистое: «Ура! За родину! За Сталина!» Это шла в атаку первая лыжная рота. Почти одновременно слева остров Бьеркэ швырнул на лед несколько тяжелых снарядов. Еще и еще. Благодаря хорошей корректировке с берега, они ложились все ближе и ближе к защитному торосу, где уже успел расположиться лыжный командный пункт. Вот подле рации, разворотив лед, разорвался снаряд. Второй грохнул в самом центре, подле леса снятых и воткнутых в снег лыж. Становилось жарко.

Выход из положения нашел смекалистый связист Андреев. Передавая в микрофон квадраты и координаты артиллерийской стрельбы и донося о действиях отряда, он понимал, что белофинны следят за эфиром. Дав фальшивый вызов, Андреев стал кричать открытым шифром: «Красная горка? Красная горка?! Говорит лыжный отряд моряков. Наступаем на Муурилу. Просим поддержать. Сааренпейя[1] бьет точно по командному пункту. Подавите Сааренпейю»

Схитрил и стал, волнуясь, ожидать результатов. Изощренный в хитростях и коварстве враг, подслушав передачу, сам попал на удочку. Чаще посыпались снаряды по ложному адресу. С воем, свистом и гулом пролетали через торос и то разрываясь, то нет, падали среди лыж. Лыжи разлетались щепками, взлетали в воздух и падали в снарядные, воронки. Лыжные роты воспользовались

уловкой своего радиста. Скученные группы людей растеклись по снегу тонкими, длинными, движущимися звеньями штурмовых цепей, «змейками» и одиночными точками. У берега, наступая за лыжниками, дрались панфиловцы.

Постепенно втягивались в бой и лыжники второй роты, подойдя к пехоте слева. Под жестоким неприятельским огнем они живой волной то набегали, то откатывались от берега. Создавалось впечатление, что бойцы набирают силы, совершают как бы разбег для решительного прыжка.

Чепрасов через рацию корректировал поддерживающий огонь наших батарей с Тамико. В свободные минуты он помогал эвакуировать раненых в тыл. С открытого ледяного пространства первая рота уже нащупывала огневые точки противника на берегу. Справа, из своего уступа, целиком ввязались Жуков и Яковлев со второй ротой. Обе роты под огнем шли на сближение с врагом.

В шум боя с тыла вплелись новые характерные звуки. Бойцы на ходу оборачивались. Радостная улыбка освещала их лица.

— Помощнички… — так ласково окрестили лыжники своих крылатых друзей.

Неясными точками появились они далеко на юге, на слитом, сером фоне залива и неба и быстро неслись к берегу. Все выше и выше взбирались по небосклону. Шли в воздушном кильватере, звено за звеном. В центре — тяжелые бомбардировщики, а вокруг — быстрокрылые проворные «ястребки». Самолеты догнали лыжников и с громким ревом пронеслись над торосами. Самолеты начали разворот к берегу, выходя на свои воздушные позиции.

— Ой и дадут же сейчас перцу… — предвкушая радостное зрелище, вскрикнул краснофлотец Посконкин. Он даже прибавил шагу, как будто хотел догнать самолеты, чтобы понаблюдать предстоящее угощение «перцем».

Развернувшись за Муурилой, бомбардировщики возвратились, вынеслись вперед и повисли над берегом. Мелькнули под фюзеляжами неясные очертания темных предметов, и берег и Муурильская гора, казалось, помчались им навстречу в огненно-черных смерчах земли, дыма и пламени.

На смену облегчившимся бомбардировщикам ринулись «ястребки». Снизившись на бреющий полет над самым лесом и его опушкой — убежищем снайперов и огневых точек, — они нырнули в пике. Лыжники застыли в восхищении.

Зрелище было поистине великолепным и захватывающим. Самолеты камнем падали на опушку, извергая из автоматических пушек и пулеметов огненный дождь на невидимые лыжниками

цели. Почти цепляя крыльями кроны деревьев, выравнивались красивой, плавной дугой и взмывали вверх. В строгом порядке, один за другим, «ястребки» шли в атаку с ровными, небольшими интервалами, с таким расчетом, чтобы каждый, входя в пике, заменил другой, уже выходящий из него. В хвост им били пулеметным огнем с уцелевших точек, а они, пошарив по лесу, спокойно набрали высоту и все до единого полетели догонять улетевших товарищей.

У ПРОВОЛОКИ

У проволоки первая и вторая роты соединились. Напряжение атакующих и ответный огонь противника достигли крайней степени.

Вот и проволока. В несколько рядов, на высоких кольях протянулась она вдоль берега по крутому трехметровому его склону. Даже в сумерках отчетливо видны позади проволоки глубокие воронки от наших снарядов и бомб. Как кроты зарылись в них белофинны. Оттуда-то и неслись нелепые выкрики: «Русс, сдавайса».

Вынесенный вперед, тянулся высокий снежный намет, вроде вала. Между проволокой и валом, углубляясь в залив, притаилось минное поле.

Лосяков и Богданов знали о нем от лыжных разведчиков. Они понимали, что для дальнейшего движения требуется величайшая осторожность. Перед последним рывком на берег нужно было всячески сдержать и с толком направить бурный порыв краснофлотцев.

В этот решающий момент капитан Лосяков вдруг вскрикнул, даже не вскрикнул, а просто ругнулся, схватившись за руку:

— Дьяволы… в кисть!..

Сквозь шерстяную перчатку правой руки на снег падали темные капли крови. Боец Воробьихин наскоро забинтовал раненую руку командира. От потери крови Лосякова лихорадило. Заметив это, Чепрасов снял с шеи свой теплый шарф и, связав концы, сделал командиру удобную повязку.

— Товарищ Лосяков, эвакуируйтесь в тыл, — предложил комиссар Богданов.

— С такой ерундой в тыл не идут.

Комиссар настаивал.

— Что ж, я людей своих брошу в бою?

И капитан остался. Только командование передал начальнику штаба Чепрасову.

Справа, рядом с балтийцами, вместе со своим командиром Добычиным мужественно дрались красноармейцы. Подошли к лыжникам саперы Панфилова, выделенные специально для резки проволоки и разминирования поля. Вместе с ними поползли балтийцы. Пополз впереди и командир взвода Переверзев. Стали попадаться брошенные врагом вырубленные во льдах пулеметные точки. По плотно умятому внутри снегу можно было заключить, что враг не раз побывал в этих норках, поджидая лыжников. Ползая по глубокому снегу, на виду противника, бойцы буравили

собственными головами в касках глубокую борозду, в которую уходил весь корпус.

— Ну и касочки! — восторгались краснофлотцы:

— Как в броневой башне.

Подтянулись к самому валу. Десятидюймовая «Сааренпейя», видимо, решила не щадить свои боезапасы и засыпала наступающих снарядами. Над прибрежной частью залива в наступившей мгле десятками взлетали осветительные ракеты. Шквал огня несся навстречу героям.

При ярком свете ракет белофинские «охотники за черепами» преследовали мушкой лыжных командиров. Но так как внешне их нельзя было отличить, то били всех, кто управлял огнем, распоряжался и чем-либо выделялся из массы.

Жмакин!.. Кто не знал в отряде этого отличного, выдержанного, всегда подтянутого, требовательного, но справедливого старшину? Кто из балтийцев не любил этого честного, прямого коммуниста?

Бойцы залегли, пережидая огневой ливень. Головы не поднять. С командного пункта опять взметнулась сигнальная ракета.

— В атаку!

Кто-то должен был, пренебрегая опасностью, увлекая других, вскочить и броситься первым вперед.

— За родину!.. За Сталина!.. — крикнул командир взвода Жмакин и ринулся первым.

Он был уже близко от проволоки, и голос его звал за собой… Но на голос командира откликнулся белофинский снайпер, пробив ему правое плечо. Жмакин упал, но бойцы, уже поднятые и увлеченные им, бежали дальше. Лежавшего старшину приподняли, чтобы оттащить в тыл, но невидимый снайпер, не прерывая охоты на командира, поразил его вторично в голову. Кипя гневом, бойцы неслись вперед, продолжать его дело.

Вскоре погиб и другой, прекрасный, скромный коммунист, командир взвода Тихонов. Тяжело раненный в грудь и умирая, как герой, он ободрял товарищей, призывал отомстить врагу. Слабеющим голосом остановил он военкома Богданова:

— Я умираю, товарищ комиссар. Прощайте! Не щади… — он не кончил фразы и закрыл глаза.

Но военком знал, кого имел в виду Тихонов и кого преступно было щадить.

Комиссар наклонился к Тихонову, пожал его остывающую руку и, смахнув украдкой слезу, пошел догонять своих.

Он тщательно следил за перебежкой бойцов, не давая им мешкать или залеживаться, так как успел заметить, что снайперы

особенно сильно поражают лыжников в те именно минуты, когда они, при перебежках, слишком задерживаются на месте.

ВОЛШЕБНЫЕ КАСКИ

К ночи усилился мороз. Эвакуация раненых в тыл выросла в сложную и важнейшую задачу. Даже легко раненых нельзя было оставлять на льду в такую стужу. И потянулись бойцы в глубь залива, унося на себе тяжело раненых товарищей. Легко раненые шли сами, не расставаясь с винтовками, и даже поддерживали более пострадавших.

На севере, за невидимой Муурилой, дальнее небо осветилось вдруг, зажглось дрожащими лучами. Лучи погасли и снова вспыхнули, запламенели с еще большей силой, рассыпаясь широким веером по всему горизонту. Белесоватый свет переходил в зеленый, потом в багряный, радужный. Порывисто дышат световые столбы, захватывая постепенно своим многоцветным сиянием все большее пространство и образуя на крайнем севере сверкающий золотом венец короны. Нежной синевой озарился снег, и фантастические, причудливые тени протянулись от ледяных громадин.

Забыв на минуту о тяжелой обстановке, о близости врага, зачарованные любуются лыжники непередаваемой, невиданной красотой северного сияния.

— Да, — вздохнул романтически настроенный политрук Бывалов: — отродясь такого не видывал.

— А ты белофиннов поблагодари. Если бы не война, так бы и не увидел, — посоветовал старшина Армизонов.

Пронзительный свист пролетающих снарядов и новая огневая волна с берега вернули бойцов к действительности.

Командование лыжного отряда решило продвинуться дальше, ибо на этой позиции люди служили мишенью для снайперов. Нужно было пустить три зеленых ракеты. Как на зло, ракетница находилась вне командного пункта, у одного из залегших в цепи лыжников. И Чепрасов послал за ней младшего командира Макарова. Извиваясь по снегу, тот поспешил выполнить приказание. Спустя минут десять Чепрасов увидел, что он возвращается назад. Проползши полдороги до командного пункта, Макаров вскочил и открыто побежал. Но, не добежав шагов двадцати, внезапно упал. Болью сжалось сердце Чепрасова. Хороший был младший командир Макаров. Но «убитый» неожиданно ожил и начал подыматься. Не отрываясь, наблюдал Чепрасов за движениями бойца, мысленно поторапливая его. Мелькнула молния трассирующей пули, ударив Макарова по каске. Ударила и рикошетом метнулась в сторону. Когда Макаров вторично упал, у Чепрасова не оставалось больше сомнений, что

за ракетницей на этот раз придется бежать ему самому. Начальник штаба уже готовился к прыжку, когда Макаров вновь зашевелился.

«Ранен… — решил Чепрасов. — Но тяжело или легко? Во всяком случае, жив… Хорошо и это…»

— Давайте быстрее ракетницу! — крикнул ему Чепрасов. Макаров опять попытался встать. И в третий раз снайперская пуля точно ударила его по каске, но с тем же результатом.

Не веря глазам, Чепрасов наблюдал необычайное зрелище практического испытания чудесных свойств советской стальной каски. Но его изумление возросло, когда Макаров, после третьего меткого снайперского выстрела сразу же сорвался с места. Четвертая трассирующая пуля пронеслась над головой неуязвимого моряка. На этот раз раздражение и злоба ослепили глаза белофинского стрелка, и рука изменила ему. Уже не маскируясь больше, Макаров в несколько прыжков достиг командного пункта. Переводя дух и отдавая ракетницу, он, волнуясь, рассказал:

— После третьей пули по каске я понял, что попал под снайперский обстрел. Не выйти, думаю: от каждого удара по каске теряешь сознание — оглушает. В голове шум, звон… Оставаться, соображаю, под огнем — все равно прикончат. Что-то делать надо. Лучше уж побежать. Авось, проскочу… Так и вышло.

Три зеленые ракеты, прерывая рассказ, штопором вонзились в небо.

— Вперед!.. Вперед, товарищи!.. За родину! — подбадривают друг друга бойцы.

Метров сто прошли перебежками и переползаниями по глубокому в этом месте снегу. Кто-то со стоном падал, другие бежали, ползли. По берегу били наши, по заливу белофинские снаряды. С двух сторон — скрестились огневые трассирующие струи.

У проволоки произошла небольшая задержка. В дело пошли гранаты. В воронках за проволокой шевелились белые тени, неслись отчаянные крики: «Русс, сдавайса!». Гранаты заставили крикунов замолчать. В помощь лыжникам батареи щедро покрывали Муурильский берег и деревню ураганным огнем. Снаряды ложились с поразительной точностью, вызывая искреннее восхищение лыжников.

Одна за другой умолкали белофинские огневые точки, выведенные из строя или скрывая свое расположение. Высоко над Муурильской горкой зарделось небо пламенем пожара. Военком Богданов воодушевлял бойцов.

— Подожгли, дьяволы, деревню. Значит, скоро побегут. Там N-ская дивизия нажимает.

В нервном, боевом возбуждении военком не заметил, как по спине его скользнула пуля и прошлась как ножницы по ткани ватника. Заметивший это Лосяков со смехом упрекнул Богданова:

— Неаккуратность у тебя в туалете, товарищ военком.

Профессиональные моряки, квалифицированные минеры, электрики, комендоры, сигнальщики, рулевые — балтийцы-лыжники здесь, на штурме Муурильских позиций, изучали на практике армейскую тактику боя, перебежки, залеганье, атаки в цепях, змейками и звеньями. Сами создавали новые приемы, например, ухитрялись буравить снег головами в касках, вырывая защитные канавки.

Чепрасов не покидал командного пункта. Тусклый зимний день сменял черную ночь, и снова ночь приходила на смену дню, но Чепрасов не прекращал корректировки артиллерийской стрельбы и зоркого наблюдения за всеми действиями отряда и сопротивлением врага. Блестящее действие артиллерии Шура-Буры, поддержка батальонов N-ской дивизии слева и особенно батальона Панфилова справа — помогли лыжникам выйти к проволоке на всем участке расположения отряда.

Атакующие сосредоточились за небольшим снежным бугром. По ту сторону его — проволока. Короткая передышка перед последним рывком. За проволокой — высокий, каменистый подъем на берег. Дальше — пологая площадка, — вначале открытая, с замаскированными пулеметными гнездами и глубоко упрятанными в застывшую почву ЗОТ, а затем — поросшая лесом, со снайперскими гнездами. Метров триста ровного снежного пляжа переходили в крутой, лесистый косогор. На плоской вершине его — неприступная Муурила.

За бугорком бойцы переводили дыхание; один, сняв варежки, растирал замерзшие руки, другой, сорвав ушанку, вытирал ладонью вспотевший лоб. Иные вытряхивали из валенок набившийся снег, другие вставляли в винтовку свежие обоймы или заряжали пистолеты. У каждого находилось дело в считанные секунды боевого отдыха.

Небо опять засияло ослепительно цветистой короной северного сияния. Ухали орудия Шура-Буры на Тамико. Откликались — близкий берег яркими разрывами и пожаром деревни, а Бьеркэ — своей мощной «десяткой». И тогда метровая толща льда широко расступалась. Ширилась, чернела морская глубь в полынье, взметалась и тяжело обрушивалась обратно высокой волной. Далеко вокруг со стеклянным звоном

разлетались тонны снега и ледяных осколков, обильно засыпая пространство и людей.

Но ничто не могло остановить отважных. Они шли вперед, теряли товарищей, стискивали в ненависти зубы и еще крепче сжимали винтовки в руках. То одна, то другая вражеские точки умолкали, выведенные из строя меткой стрельбой, точным накрытием всевидящего Шура-Буры.

Но враг еще сдерживал себя, таил свои силы. И только тогда, когда балтийцы подошли на угрожающую близость в каких-нибудь триста метров от берега, он взревел во всю свою ружейную, пулеметную, артиллерийскую и минометную глотку.

С короткой дистанции, из предательских «кукушечьих» гнезд, заговорили снайперы.

Упал ничком один моряк, свалился на бок другой, зашатался, роняя винтовку, третий. Бросив скорбный, прощальный взгляд на отставших, остальные продолжали движение вперед.

Перебегая от одного раненого к другому то вприпрыжку, то ползком, военфельдшер Федосов оказывал первую помощь раненым бойцам.

До проволоки — совсем недалеко. Тогда начальник штаба Чепрасов подал, по приказу Лосякова, сигнал ракетой: в атаку!

С удвоенной, утроенной силой, как выпрямившаяся пружина, рванулись цепи и змейки к берегу. Сам собою вырвался из груди единый призывный клик: «За родину! За Сталина!»

В сумраке черной тенью высоко пронесся самолет. Он не стрелял. Только позади оставил след больших снежных хлопьев. Они долго кружили в воздухе и медленно оседали на поле залива. Несколько белыми листовками упали среди бойцов. Младший командир Макаров поднял одну и передал Лосякову. На листовке был изображен красноармеец: штык в землю, руки вверх и зазывающее приглашение:

— Переходите к нам!

Даже в эту грозную минуту командир отделения Переверзев не мог удержаться от привычной шутки:

— Вот и хорошо! Пошли, значит, ребята в Муурилу, раз приглашают. — Переверзев сделал широкий приглашающий жест в сторону Муурилы.

СЛАВА ПОГИБШИМ ЗА ДЕЛО НАРОДА

Взвились три ракеты. Низко пригнувшись, побежали лыжники через бывшее минное поле. Переверзев сразу же взял влево, прямо на проволоку. Густым частоколом темнела она над головой по крутому склону берега. Позади нее из снарядных воронок выползали на поверхность неуклюжие белые фигуры, размахивая винтовками. Раздирающе выкликали неизменное, тупо заученное заклинание: «Русс, сдавайса!».

— Гранаты! — ответил на вражеское предложение Переверзев. И посыпались через снежные сугробы гранаты. Вражеские крики в воронках смолкли. Но и с берега полетели ответные гранаты.

Лыжники уже проскочили под самую проволоку и методически забрасывали гранатами ее и воронкообразные убежища за нею. Переверзев, вырвавшись немного вперед, бросил одну гранату, другую. Он занес уже руку, чтобы швырнуть третью, как вражеский «Суоми» подрезал ему обе ноги. Взмахнув руками и обронив ушанку, Переверзев прыгнул в последнем отчаянном усилии достигнуть проволоки и упал на нее всем своим телом. Только тогда заметили, что висит Переверзев на необыкновенной странной проволоке-спирали, подвешенной на колышках над поверхностью земли. По этой спирали и проходил электрический ток. Чепрасов поспешил оттянуть от нее других смельчаков. Скомандовал:

— Бить по спирали гранатами! До полного разрыва.

И снова полетели гранаты, разрываясь в гуще металлических проводов, отрывая их от земли вместе с кольями креплений.

Образовались узкие проходы в проволочном лабиринте. Кое-кто из лыжников уже полз в эти проходы.

Моряки вступили на заветный каменистый неприятельский берег.

Белофинские укрепления. Спираль Бруно.

За ними к проволоке и берегу подтянулась небольшая группа особого батальона с командирами Далматовым и Грибовским. Несмотря на большие потери, морская пехота отчаянно дралась, продвигаясь и не отставая от своих балтийских соратников. В эту решительную и тревожную для него минуту противник ввел в бой все свои наличные живые и огневые силы. Неистовый

монотонный грохот стоял в воздухе, не прерываясь ни на минуту. По выходящей к берегу горсти героев били с короткой дистанции станковые пулеметы, автоматы «Суоми», минометы, гранатометы и снайперы. Слева продолжал неистовствовать Бьеркэ. С точностью часового механизма работали батареи Савина и Шура-Буры по оборонительным позициям на берегу и по нагорной деревне Муурила.

После трагической и геройской гибели Переверзева командование взводом принял командир гранатометного отделения Пушкарев. Вражеский пулемет безумолку строчил по проволоке, по крутым выходам на берег. Гулко щелкали пули, певуче разлетаясь в стороны. Проклятый пулемет сковывал действия взвода.

— Мамонов! — обратился Пушкарев к своему гранатометчику, — достанете? Так заткните ему глотку…

Краснофлотец Мамонов, один из лучших наводчиков отряда, утвердительно кивнул головой.

— Точно, — сказал Мамонов: — угол 29, прицельная трубка 5.

Он подполз к гранатомету, направил его по сделанному расчету и выпустил гранату.

— В точку! — одобрил Пушкарев, когда вслед за далеким взрывом гранаты смолк надоевший пулемет.

— Я всегда так, — скромно отозвался на похвалу командира Мамонов.

Под защитой меткого огня Мамонова и других лыжники карабкались по взгорью. Белофинны, отчаянно защищаясь, покидали ближайшие укрытия в воронках, в ледяных гнездах и отходили к опушке леса, откуда по наступающим велся еще более сильный снайперский и пулеметный огонь.

ЛЫЖНИКИ СДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО

Несмотря на потери прекрасных балтийцев, неустрашимых бойцов, дух оставшихся не был сломлен. Еще большей яростью пылали их сердца.

Один из ДОТ линии Маннергейма, взятый частями Красной Армии.

Пусть только прикажут, и они пойдут открытой атакой и дальше на крутой берег под непрекращающимся ураганным огнем. Но командиры не хотели вести своих славных балтийцев на тяжелый риск, на верную гибель. Это было бы безрассудно. Лыжников надо было отвести, дать им передышку, подкрепить свежими силами, и тогда они смогут совершить свой последний героический прыжок, нанести по Муурилe последний, решающий удар.

Связисты донесли Лосякову и Чепрасову, что комбриг Денисевич приказал отвести лыжников в залив на отдых.

«Нецелесообразно, — сообщал комбриг, — подвергать людей бесцельному риску, потому что наличными силами им все равно успеха не закрепить. Панфилову же, получившему свежие

подкрепления, — сменить балтийцев».

Когда потянулись к берегу свежие отряды панфиловского резерва, Чепрасов дал приказ лыжникам — отходить.

Старое пристанище их за ближним торосом оказалось разбитым вдребезги. Это постарались «десятки» и «шестерки» острова Койвисто-Бьеркэ. Пришлось уводить людей в сторону, подальше в глубь залива.

По безудержной силе и напору лыжного натиска и броска враг заключил, что имеет здесь дело с основной операцией и спешно стянул сюда все свободные резервы из других смежных участков оборонительной линии.

Этой ошибкой врага воспользовались части, расположенные по берегу и выше, и прямым штурмом взяли сильнейшие ДОТ, прикрывающие Муурилу с востока. Муурила пала, как созревший плод. Ее защитники в панике побежали и с берега и с горы, бросая снаряжение, амуницию, даже винтовки и лыжи.

Неприступная Муурила пылала. Балтийцы-лыжники взбирались на прибрежную кручу. Красная Армия входила в еще догоравшую деревню.

ДОМОЙ С ПОБЕДОЙ

В конце марта лютые морозы унялись. Ярким, солнечным днем празднично выглядел Кронштадт, морской город. По широким проспектам в одном направлении двигались толпы. От самой площади Революции до Ленинградской пристани — густые шпалеры красноармейских и флотских частей. По-весеннему холодный ветерок ласково полощет кумач приветственных плакатов. Сверкает на солнце яркая медь краснофлотского оркестра.

У пристани скопились тысячи людей, радостных, взволнованных и торжественных. Это — матери и отцы, сестры и жены, дети и друзья героев.

Они теснятся к пологому спуску на лед, часто всматриваются в однообразную даль зализа.

— Идут или не идут? Неужели опоздают? Ведь заждались!

— Идут!

На снежную пустынную гладь легли темные пятна ровных движущихся колонн.

— Идут!.. облегченно вздохнула толпа.

Лыжники скользят быстро, методично, сохраняя интервалы. Издали кажется, что даже не скользят, а плывут, ритмично перебирая по воздуху ногами. Приближаются! Можно уже видеть впереди командиров, слышать лыжный размеренный скрип.

И тогда, нарушая строгий порядок встречи, установленный церемониал, друзья и родные лавиной устремляются по спуску на лед.

Увязая в глубоком снегу, несутся навстречу. Слезы радости. Горячие объятия, рукопожатия. Молодые отцы, вскинув на руки детей, долгим счастливым взглядом смотрят на них и не наглядятся. Из перехваченного волнением горла не идут нужные и нежные слова. Только глаза выдают скрытое волнение.

Короткая команда водворяет порядок в лыжных рядах, и снова скользят они, взбегая на родной, любимый кронштадтский берег. Радостный гром грянул из труб и потонул в оглушительном взрыве: «ура!»

Светит солнце, реют знамена, шуршит снег, улыбаются люди героям. А они, снова по-военному строгие, крепкие, закаленные боями и стужей, загоревшие под зимним солнцам, легко ступают по заполненным людьми улицам, изредка улыбаясь друзьям на панели.

Площадь Революции — бывшая Якорная. Кто на Балтике не знает ее? Отсюда уходили моряки революции в бои с

бесчисленными врагами. Сюда же неизменно возвращались с победой. Так и сегодня — шагают лыжники-балтийцы на историческую площадь, овеянные славой, чтобы сложить к ногам пославшего их народа кровью добытые лавры.

Вздрогнула старая площадь от кликов и музыки, когда черные шеренги лыжников заполнили ее необъятный простор.

Вдруг притихла площадь. Как затихающий прибой, чуть-чуть поплескивают полотна флагов. На высокую разукрашенную трибуну всходит командование Краснознаменного Балтийского флота, рабочие делегаты морского завода.

Говорит командующий флотам вице-адмирал Трибун. Поздравляет с победой и возвращением:

— Неслучайна ваша победа! Великая партия вас воспитала, послала на защиту Родины. Своей храбростью, подвигами и сознанием долга вы обеспечили успех и нанесли поражение врагу. Еще одна блестящая страница вписывается сегодня в замечательную книгу доблести, чести и геройства балтийцев.

Рабочий делегат напомнил о кровной, нерушимой братской связи пролетариата с Красной Армией и флотом.

— Вы — могучее оружие пролетарской революции, ее верные сыны. Этого оружия не сломили, не вырвали у нас враги в тяжелые годы гражданской войны. Не сломить, не вырвать его и в будущих схватках.

Отвечал военком лыжников Богданов, худощавый, с бледным лицом и глубоко запавшими глазами.

— Спасибо народу, спасибо партии за память, заботы и сегодняшнюю ласку.: Мы делали то, что нам поручили, — дрались за страну нашу, за социализм, не щадя жизни. С именем Сталина шли, с тем же именем умирали. Вот все… Что еще скажешь?

Митинг окончен. Снова возгласы приветствий, медный гром и четкая команда Лосякова.

Лыжники-моряки двинулись в последний переход.

В казармах их ждал обед и отдых.

А утром следующего дня они возвратились в свои части — на корабли, батареи, школы и форты; Балтфлот их послал, в Балтфлот они возвращались.

Посланцы Балтфлота и лучшие сыны его, они, вернувшись домой, растворились в этом покрытом бессмертной славой коллективе. Но в памяти советского народа они завоевали и собственное бессмертие.

notes

Примечания

1

Деревня на острове Койвисто-Бьеркэ, где стояла вражеская батарея.